

ЗВЕРЬ ВНУТРИ: ОСТАТЬСЯ С ТОБОИ

ВЛАДА ЯСНАЯ

18+

Влада Ясная

Зверь внутри: остаться с тобой

«Автор»

2026

Ясная В.

Зверь внутри: остаться с тобой / В. Ясная — «Автор», 2026

ОДНОТОМНИК ХЭППИ-ЭНД ГОРЯЧО Она думала, что лес Адирондак — это просто красивое место для отдыха. Но в полнолуние здесь оживают древние легенды. Эйва приезжает в бабушкин дом, чтобы продать участок и начать новую жизнь. В первую же ночь на неё нападает огромный зверь с жёлтыми глазами. Она чудом выживает и решает, что это был страшный сон — пока на её теле не остаются следы когтей, а в голове не поселяется чужой голос, шепчущий: «Ты моя». Logan Деверо — наследник стаи оборотней, железный альфа, который никогда не теряет контроль. Но запах этой женщины сводит его с ума. Она — его истинная пара, та, которую он искал всю жизнь. Только вот их первая встреча была не поцелуем, а нападением. Теперь между ними — страх, недоверие и война с могущественной семьёй, которая хочет стереть стаю с лица земли. Logan готов на всё, чтобы защитить Эйву. Даже если для этого придётся прогнать её прочь. Она боится его как зверя. Но именно в его объятиях она впервые чувствует себя в безопасности.

© Ясная В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кровь Луны	5
Глава 3. Тот, кто ждёт	17
Глава 4. Та, что не знает	24
Глава 5. Тот, кто охотится	31
Глава 6. Та, что просыпается	37
Глава 7. Собрание	42
Глава 8. Та, что входит в логово	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Влада Ясная

Зверь внутри: остаться с тобой

Глава 1. Кровь Луны

«Собака дьявола чует течку за милю. Сначала он воет, потом приходит за душой. А если ты в поре — даже не думай соваться в Адирондак в полнолуние».

Эйва вспомнила эту историю, когда стемнело настолько, что телефон перестал ловить дорогу, а фонарик на нём сдох ровно двадцать минут назад. Старый хрыч с заправки — лицо как печёное яблоко, глаза выцветшие, но с хитринкой — рассказывал это таким тоном, будто предупреждал не о легенде, а о штормовом предупреждении. Она тогда закатила глаза. Ну конечно. Штат Нью-Йорк, двадцать первый век, лес Адирондак — туристическая достопримечательность, а не чёртово Зловещее.

Машину пришлось бросить миль пять назад. Аккумулятор сдох окончательно, связь не ловила, а сидеть всю ночь в железной банке посреди леса, слушая, как ветер раскачивает сосны, оказалось страшнее, чем идти до ближайшего городка. Или она так думала тогда, на закате.

Сейчас, когда луна уже выползла на небо — огромная, бледная, до отвращения круглая — Эйва готова была отдать всё, чтобы оказаться обратно в проклятом «Бьюике» с его сдохшим аккумулятором.

Дорога тянулась между стенами леса — чёрного, плотного, как войлок. Асфальт местами просел, корни деревьев прорвали его, и Эйва то и дело спотыкалась, матерясь сквозь зубы. Лёгкие льняные босоножки — идиотский выбор для лесной прогулки — натёрли ноги до крови, и каждый шаг отдавался болью.

Она остановилась перевести дух и оперлась рукой о ствол придорожной сосны. Ладонь ощутила шершавую кору, и от этого простого, живого прикосновения почему-то стало немного спокойнее.

Вторые сутки тянуло вниз живота. Эйва знала это чувство — овуляция. Каждый месяц одно и то же: тело наливается тягучим теплом, кожа становится чувствительной до болезненности, обоняние обостряется так, что можно учуять чужой пот за сто метров. Обычно это раздражало. Сейчас — пугало.

Потому что лес пах.

Он пах хвоей, мхом, прелой листвой, но сквозь эти привычные запахи пробивалось что-то ещё. Что-то дикое, мускусное, тёплое — будто зверь, крупный и потный, только что пробежал здесь и оставил свой след прямо в воздухе.

Эйва поёжилась и пошла дальше, стараясь не думать об этом запахе. Стараясь не думать о том, что луна уже высоко. Стараясь не думать о словах старика.

«Сначала он воет».

Она услышала вой ровно в ту секунду, когда подумала об этом.

Звук шёл откуда-то из глубины — низкий, грудной, он не разорвал тишину, а вплёлся в неё, будто всегда здесь был, просто ждал момента, чтобы проявиться. Эйва замерла на месте. Сердце — удар, ещё удар, ещё — и вот оно уже колотится где-то в горле, мешая дышать.

Второй вой прозвучал ближе. Гораздо ближе.

Она побежала.

Дальше было только мелькание перед глазами: деревья, лунный свет, полосы теней под ногами. Босоножка слетела с левой ноги, Эйва даже не заметила. Ветки хлестали по лицу, по голым рукам, по ногам, оставляя мокрые полосы — то ли кровь, то ли слёзы, она не разбирала. Лёгкое льняное платье, которое час назад казалось таким милым и уместным для летней

поездки, сейчас висело на ней тряпкой — тонкой, просвечивающей, совершенно бесполезной защитой.

Она вылетела на опушку, потому что лес кончился.

Поляна. Круглая, ровная, залитая лунным светом так густо, будто кто-то вылил сюда целое море серебра. Трава по пояс, в ней мелькают светлячки — единственное живое тепло в этой ночи. И тишина.

Эйва обернулась.

На границе леса, там, где тень встречалась со светом, стоял он.

Сначала она подумала — волк. Слишком знакомый силуэт, слишком привычный для её городского сознания, которое цеплялось за любую понятную форму. Но потом волк шагнул вперёд, и лунный свет упал на него, и Эйва поняла: нет.

В холке он доставал бы до груди взрослому мужчине, если бы встал на задние лапы. Грудная клетка — широкая, мощная, как бочка, и под шерстью перекачиваются мышцы с такой отчётливостью, будто мускулы не покрывает густой тёмный мех. Шерсть — почти чёрная, но на загривке, на плечах, на хребте отливает серебром в лунном свете. Лапы — тяжёлые, с неестественно длинными когтями, которые вминают траву в землю.

И глаза.

Эйва смотрела в них и не могла пошевелиться. Потому что волки так не смотрят. Волки смотрят на добычу — голодно, но безлично, как на мясо. Этот взгляд был другим.

Он смотрел на неё.

На неё — не на тело, не на запах, не на страх. В этих жёлтых глазах горело что-то осмысленное, тяжёлое, человеческое. И нечеловеческое одновременно. Он видел её всю — до костей, до крови, до той пульсирующей точки внизу живота, которая сейчас отзывалась на его взгляд болезненным, сладким спазмом.

Эйва стояла посреди поляны, босая, в разорванном платье, с разбитыми в кровь ногами, и смотрела на зверя.

Он сделал шаг вперёд.

Мышцы под шерстью перекатились — медленно, текуче, почти непристойно. Она видела, как напрягаются задние лапы, как ходит ходуном могучий загривок. Он не торопился. Он давал ей время насмотреться, надышаться ужасом, пропитаться им до самой последней клетки.

Ветер дунул от него к ней — и запах ударил в ноздри. Тот самый, дикий, мускусный, тёплый — но теперь в десять раз сильнее, гуще, первобытнее. Пахло зверем. Самцом. Чем-то таким древним, от чего в крови включались инстинкты, о существовании которых она даже не подозревала.

Эйва сделала шаг назад. Потом ещё один.

Трава щекотала голые лодыжки. Луна висела прямо над головой — огромная, белая, безумная. И в этой серебряной тишине она слышала только своё дыхание и тяжёлый, ритмичный выдох зверя.

Он шагнул ещё раз.

И Эйва поняла, что бежать некуда. Лес за спиной — чёрный, глухой, полный корней и веток. Впереди — он. И где-то глубоко внутри, под слоем ужаса, под коркой цивилизации, под двадцатью тремя годами воспитания и образования, что-то зашевелилось. Что-то, что смотрело на этого зверя и не хотело убежать.

Что-то, что хотело, чтобы он подошёл.

Она замерла, чувствуя, как платье липнет к телу от пота, как холодный воздух обжигает разгорячённую кожу, как низ живота сводит новой волной тянущей боли — уже не просто овуляция, а что-то гораздо глубже, гораздо древнее.

Зверь шагнул в лунный свет, и мир сжался до размера его зрачков.

Он накрыл её не сразу.

Сначала был только запах — густой, тяжёлый, звериный, от которого нутро сворачивалось в тугой узел, а лёгкие отказывались работать. Эйва лежала на спине, вдавленная в траву собственным параличом, и смотрела, как огромная тень нависает над ней, закрывая луну.

Он стоял над ней на всех четырёх лапах — массивный, тёмный, с серебристой рябью на загривке. Грудная клетка ходила ходуном, и каждый выдох вырывался с низким, вибрирующим рыком, от которого земля под спиной Эйвы дрожала мелкой дрожью.

Она попыталась отползти. Руки увязли в траве, локти подогнулись, но сдвинуться удалось едва ли на дюйм. Тогда он опустил голову.

Морда приблизилась к её лицу — огромная, с влажным чёрным носом, с жёлтыми глазами, в которых горел тот самый осмысленный голод. Эйва зажмурилась, ожидая укуса, хруста костей, раздирающей боли.

Вместо этого она почувствовала язык.

Шершавый, горячий, невероятно широкий — он прошёлся от ключицы до подбородка одним длинным, неторопливым движением. Эйва дёрнулась, распахнула глаза.

Он больше не стоял на четвереньках.

Зверь нависал над ней, опираясь на могучие руки, которые дрожали от напряжения. Человекоподобная фигура, но каждая деталь в ней кричала о чужеродности. Грудная клетка — бочкообразная, мощная, покрытая короткой, густой шерстью, под которой перекачивались стальные жгуты мышц. Бёдра — неестественно длинные, с двойными сочленениями, удерживающие его в низкой, хищной стойке. Вместо стоп — тяжёлые, пальцеходящие лапы с когтями, вминающими траву.

Но лицо... лицо было почти человеческим.

Почти.

Широкие скулы, обтянутые смуглой кожей, на которой у самых ушей пробивалась жёсткая серебристая щетина — шерсть, ещё не успевшая полностью втянуться. Нос — крупный, с раздувающимися ноздрями, чувствующий каждый оттенок её страха и желания. Губы — тонкие, растянутые в оскале, из-под которого виднелись клыки — длиннее человеческих, острее, белее. И глаза. Жёлтые, с вертикальным зрачком, как у кошки, — они горели из глубоких глазниц, прожигая её насквозь.

Он облизывал её. Медленно, старательно, будто пробовал на вкус.

Глаза его смотрели прямо в неё. В них не было человеческой мягкости — только осмысленный, тяжёлый, всепоглощающий голод. И что-то ещё. Вопрос. Выбор.

Язык прошёлся снова — теперь по шее, от яремной впадины до уха, захватывая пульсирующую жилку. Эйва выгнулась невольно, потому что это было неправильно — неправильно во всех смыслах, от морального до биологического, — но тело отозвалось. Она всхлипнула, но не от страха. Зверь двинулся ниже.

Язык прошёлся по ключицам, по ложбинке между грудей, и там задержался — повёл кругами, расширяя влажный след, вдавливая тонкую ткань платья в разгорячённую кожу. Эйва чувствовала, как под этим языком твердеют соски, как набухают, трутся о мокрый лён, и это ощущение было настолько острым, что она закусил губу до крови.

Она попыталась вспомнить, как дышать.

Луна висела прямо над головой — огромная, белая, равнодушная. Трава щекотала затылок, спину, ягодицы. А между ног уже всё горело — тем самым жаром, который поднялся из живота, когда зверь только вышел из леса.

Он знал.

Он чувствовал этот жар за милю — старик с заправки не врал. И сейчас, спускаясь ниже по её телу, он шёл прямо на этот запах, как мотылёк на пламя. Он припал на локти, и его лицо — скуластое, оскаленное, с горящими жёлтыми глазами — оказалось на уровне её живота. Горячее дыхание обжигало кожу через мокрую ткань.

— Пожалуйста, — выдохнула она, сама не зная, о чём просит. Остановиться? Продолжить?

Он словно услышал. Клыки блеснули в лунном свете — не угрожающе, а как-то... собственнически.

Язык прошёлся по животу — медленно, с нажимом, оставляя влажную дорожку. Эйва почувствовала, как под этим языком сокращаются мышцы, как тело выгибается навстречу, против воли, против разума, против всего, чему её учили. Пальцы вцепились в траву, сжимая стебли, выдирая их с корнем.

Он дошёл до талии.

Платье сбилося там грязным комком, открывая низ живота, открывая тонкую полоску трусов, которые уже давно промокли насквозь — от пота, от страха, от этого чудовищного, запретного возбуждения. Эйва поняла это, когда влажный воздух коснулся промежности, и чуть не закричала от стыда.

Зверь замер, уткнувшись носом в её лобок, и эта пауза длилась целую вечность — секунд пять, не больше, но за эти пять секунд Эйва успела умереть и родиться заново. Она слышала его дыхание — тяжёлое, неровное, срывающееся на рык. Она чувствовала его взгляд — там, внизу, на самом интимном месте, которое сейчас было открыто ему полностью.

И она ждала.

Боже, она ждала.

Зверь поднял голову. Их взгляды встретились.

В жёлтых глазах, вертикальных зрачках, горело не только желание. Там была вопрос. Станный, почти человеческий — потому что лицо было человеческим, пусть и с клыками, пусть и с горящими глазами хищника: *«Ты позволишь?»*

Эйва смотрела в это лицо — опасное, чужое, прекрасное в своей дикости — и вместо того, чтобы закричать, зажмуриться, отползти, она медленно развела ноги.

Шире. Насколько позволяли разодранные босоножки и усталость.

Когда язык коснулся снова, Эйва выгнулась так резко, что хрустнул позвоночник. Это было не просто прикосновение — это было вторжение. Горячее, шершавое, невероятно широкое — звериный язык накрыл всю промежность разом, и первый же проход собрал влагу, выступившую на складках, смешал её со слюной и втолкнул обратно.

Она закричала.

Но крик этот был не от боли — от неожиданности, от остроты, от того, что она никогда, ни с одним мужчиной не чувствовала себя настолько поглощённой.

Он лизал её так, будто она была единственным источником влаги в пустыне, будто от этого зависела его жизнь, будто он умирал от голода и только здесь, между её ног, мог найти спасение. Язык проходил снова и снова — от входа до клитора, от клитора до входа, широкими, размашистыми движениями, собирая всё, что текло из неё, смешивая со слюной, втирая обратно в разгорячённую плоть.

Эйва перестала соображать.

Было только это: шершавое тепло, ритмичные движения, низкий вибрирующий рык, который отдавался прямо в клиторе, потому что зверь рычал, не отрываясь от неё. Каждый выдох — горячая волна воздуха на промежности. Каждый вдох — новое прикосновение языка, настойчивого, голодного, ненасытного.

Она текла.

Она текла так, как не текла никогда в жизни, даже с самыми искусными любовниками. Соки выступили на складках, смешались со слюной зверя, потекли по промежности вниз, на траву, и он слизывал их все, до последней капли, будто пытался напиться ею.

Язык работал быстрее.

Низ живота свело первой судорогой. Эйва поняла, что это приближается, за секунду до того, как накрыло.

Оргазм ударил снизу вверх, вышибая воздух из лёгких, выгибая спину дугой, выжигая все мысли к чёртовой матери. Она закричала — громко, отчаянно, не сдерживаясь — и в этот крик вплелось её собственное тело, пульсирующее, сжимающееся, выплёскивающее на этот чудовищный язык последние капли влаги.

Зверь не отстранился.

Он лизал её дальше — через оргазм, после оргазма, сквозь спазмы, которые всё никак не заканчивались. Он слизывал всё, что вытекло, и продолжал лизать, пока чувствительность не стала болезненной, пока каждый новый проход языка не начал отдаваться нестерпимой сладкой болью.

Эйва обмякла.

Руки разжались сами собой, голова упала на траву, грудь вздымалась так часто, что темнело в глазах. Она лежала, раскинувшись под луной, мокрая, липкая, пахнущая зверем и сексом, и смотрела в небо пустыми глазами.

Он поднял голову, только когда она перестала дышать хрипло и перешла на ровное, поверхностное дыхание.

Их взгляды встретились.

В жёлтых глазах, в вертикальных зрачках горело что-то новое. Это был не голод и не похоть, а что-то, от чего у Эйвы сжалось сердце уже без всякой физиологии. Он смотрел на неё как на свою. И на этом почти человеческом лице, покрытом серебристой щетиной у скул, мелькнуло что-то... нежное.

Она не успела прийти в себя. Мир всё ещё плыл перед глазами — луна, трава, тени, — когда когтистые ладони рванули её за талию, переворачивая с лёгкостью тряпичной куклы. Эйва вскрикнула, но крик оборвался хрипом, когда грудная клетка вдавилась в мокрую от росы землю.

Колени поджались сами — тело сработало быстрее разума, встав в позу, которую диктовала тяжесть, нависшая сзади. И только когда её задница оказалась задранной, а лицо — прижатым к траве щекой, она поняла, что произошло.

Он поставил её раком. Как суку. Как самку. И в этом жесте было что-то настолько первобытное, что Эйва задохнулась от новой волны жара, хлынувшей в пах. Она попыталась обернуться — посмотреть, понять, — и замерла.

Потому что на её талии лежали руки. Не лапы, а руки. Пальцы — длинные, сильные, с тёмными когтями на концах, но всё же пальцы — впились в её бока, сжимая таз с силой, не оставляющей шанса на сопротивление. Эйва моргнула, пытаясь прогнать наваждение. Скосила глаза вниз — предплечья, поросшие тёмной шерстью, пережат мышцами под ней, и дальше — лунный свет на загривке.

Человеческие руки.

Его рука скользнула по её бедру, подняла край разорванного платья, оголила ягодицу. Пальцы — с когтями, но невероятно нежные — прошлись по внутренней стороне бедра, собирая влагу, и Эйва застонала, вжимаясь в него.

— Пожалуйста, — сказала она уже осознанно. — Я хочу... я не знаю, как это назвать, но я хочу.

Он вошёл медленно. То, что входило в неё, было чудовищным. Больше, длиннее, толще всего, что она могла себе представить. Она чувствовала, как растягиваются стенки, как расходятся мышцы, принимая эту чудовищную плоть, и это было одновременно пыткой и обещанием.

Он замер, дав ей секунду.

Секунду, за которую Эйва успела почувствовать всё: его пульс внутри себя, дрожь его бёдер, прижатых к её ягодицам, шерсть, щекочущую поясницу, горячее дыхание на затылке.

А потом он начал двигаться.

Ритм сбил её с первых же секунд. Это был не человеческий ритм — быстрее, глубже, жёстче, с каким-то звериным напором, который не оставлял места для нежности. Каждый толчок отдавался в позвоночнике, в затылке, в кончиках пальцев. Эйва вцепилась ему в плечи, чувствуя под ладонями шерсть, которая росла прямо из человеческой кожи — переходная форма, не зверь и не человек, а что-то третье, первобытное и прекрасное.

Эйву швыряло вперёд с каждым толчком. Груды ходили по траве, соски горели от трения, колени уже онемели, но она не могла остановиться. Не могла перестать подаваться навстречу этим ударам, потому что где-то внутри, на самой границе боли и удовольствия, закручивалась новая спираль.

Она кончила первый раз через минуту.

Это случилось неожиданно — оргазм просто взорвался где-то внизу живота и разлился горячей волной по телу, вышибая крик, заставляя сжиматься вокруг того, что её трахало. Эйва ожидала, что он остановится, даст ей передохнуть.

Он не остановился.

Он только зарычал громче — низко, гортанно, вибрирующе, — и продолжил двигаться, теперь быстрее, жёстче, используя её влагу как смазку, входя до самого конца, до упора, до той точки, от которой темнело в глазах.

Эйва потеряла счёт времени.

Мир сузился до ритмичных толчков, до шлепков тел, до хриплого дыхания, которое вырывалось из её груди в унисон с его рычанием. Она то приходила в себя, то проваливалась куда-то, где не было ни страха, ни стыда, только это — наполненность, растянутость, дикий жар внизу живота.

В какие-то моменты ей казалось, что она чувствует его мысли. Что этот зверь — не зверь. Что за жёлтыми глазами, которые она видела в начале, скрывается кто-то другой. Кто-то, кто смотрит на неё сейчас и понимает, что делает.

А в другие моменты он был просто животным — мощным, ненасытным, берущим своё без жалости и сомнений.

Она кончила второй раз. Потом третий.

На четвёртом она уже не могла кричать — только открывала рот беззвучно, и слюна текла по подбородку, смешиваясь с землёй. Тело двигалось само, отдельно от сознания. Оно принимало, оно хотело, оно требовало ещё.

Он перестал быть сзади.

Он был везде — внутри, снаружи, вокруг. Его запах забивал лёгкие, его шерсть царапала кожу, его рык отдавался вибрацией в каждом позвонке. Эйва чувствовала, как член пульсирует внутри неё, как набухает перед очередным оргазмом, и где-то на краю сознания мелькнула мысль: «Он же кончит в меня».

И эта мысль оказалась последней.

Потому что в следующую секунду он замер. Напрягся. Задрал морду к луне и издал такой вой, от которого, казалось, содрогнулся весь лес.

Последнее, что осталось в памяти — луна, огромная, белая, равнодушная, и его глаза, смотрящие на неё сверху. Человеческие глаза на звериной морде.

Сознание возвращалось кусками.

Сначала — запах. Мокрой земли, примятой травы, чего-то острого, мускусного, пробивающегося даже сквозь забитые потом ноздри. Потом — звуки. Тишина. Только собственное сердце, колотящееся где-то в горле, и тяжёлое, ритмичное дыхание рядом.

Эйва открыла глаза.

Луна всё ещё висела над поляной — огромная, белая, наглая. Сколько прошло времени? Минута? Час? Тело не слушалось. Оно лежало пластом, вдавленное в траву, и каждая клетка ныла тупой, сладкой болью. Между ног горело так, будто туда засунули раскалённый прут и несколько раз провернули.

Она попыталась пошевелиться и зашипела сквозь зубы.

— Т-ш-ш. — Звук раздался откуда-то сбоку. Низкий, гортанный, но определённо человеческий.

Эйва замерла. Сердце забилося с утроенной силой. Она медленно, очень медленно повернула голову, скосила взгляд. Он сидел рядом на корточках. И это был уже не зверь.

В лунном свете Эйва видела человеческое тело — широкие плечи, мощная грудь, тёмная поросль на торсе, уходящая вниз узкой дорожкой. Руки, сложенные на коленях, — с длинными пальцами, с тёмными когтями вместо ногтей, но всё же руки. Ноги, согнутые в коленях, покрытые той же тёмной шерстью, что и грудь.

Но лицо...

Лицо было самым страшным и самым прекрасным, что она видела в жизни.

Человеческие черты — высокие скулы, прямой нос, чёткая линия челюсти. Но глаза — жёлтые, с вертикальным зрачком, светящиеся в темноте. И рот — чуть приоткрытый, с клыками, которые поблёскивали во тьме длиннее, острее любых человеческих зубов.

Он смотрел на неё в упор. Не отрываясь.

Эйва хотела закричать, но горло перехватило спазмом. Хотела отползти, но тело не двигалось. Она только лежала, голая, растрёпанная, с размазанной по бёдрам спермой, и смотрела в это лицо.

— Кто... — выдохнула она наконец.

Он не ответил. Просто протянул руку — медленно, давая ей время привыкнуть — и провёл когтем по её щеке. Легко, едва касаясь. Эйва вздрогнула, но не от страха. От этого прикосновения внутри снова запульсировало знакомое тепло.

Он наклонился ниже.

И его язык — тот самый, шершавый, звериный — прошёлся по её губам. Медленно, смакуя. Эйва ощутила собственный вкус — солёный, острый, терпкий — и застонала, сама не заметив как.

Она не понимала, что происходит. Почему её тело снова отзывается. Почему низ живота снова наливается тяжестью, хотя, кажется, ещё минуту назад она была готова умереть от перенапряжения.

Но он не спрашивал.

Он просто перехватил её за талию — теми же руками, с когтями, но такими бережными — и перевернул на спину. Эйва ахнула, когда её ягодицы коснулись холодной травы. Она лежала, раскинув ноги, полностью открытая, и смотрела, как он нависает сверху.

Его взгляд скользнул по её телу. Задержался на груди — соски торчали твёрдыми горошинами, — на животе, на бёдрах. И опустил ниже, туда, где всё ещё блестело от его семени и её соков. Он хмыкнул довольно, по-хозяйски и лизнул её в ухо. Потом в шею. Потом укусил — легонько, едва сжимая челюсти, оставляя след.

Эйва сжала кулаки, ощутив в одном из них что-то твердое, и отключилась уже окончательно, без сновидений, без мыслей, без страха.

Последнее, что она услышала — его голос. На этот раз отчётливый, настоящий, человеческий:

— Моя.

Глава 2. Утро после полнолуния

Сознание возвращалось медленно, со дна глубокого, чёрного колодца.

Сначала Эйва почувствовала свет — тёплый, золотистый, он продавливался сквозь закрытые веки, окрашивая темноту в оранжевые тона. Потом — запах. Знакомый, домашний. Старое дерево, высушенные травы, пыль на книгах. Запах бабушкиного дома.

Она открыла глаза.

Потолок. Белёный, с деревянными балками, на одной из которых до сих пор висел пучок сухой лаванды. Знакомая трещина в углу, похожая на карту неизвестного континента. Родные стены.

Эйва моргнула.

Как она здесь оказалась?

Последнее, что она помнила — лес. Луна. И...

Она резко села и зашипела сквозь зубы. Тело ломило так, будто её переехал грузовик, а потом грузовик дал задний ход и переехал ещё раз. Каждая мышца, каждая связка, каждая клетка вопила о помощи. Низ живота тянуло тупой, ноющей болью — той самой, что бывает после очень бурной ночи. Или после очень долгой езды на велосипеде.

Она опустила взгляд на себя.

Голая.

Совершенно голая, если не считать тонкой простыни, сбившейся где-то в районе таза. Кожа покрыта царапинами — на руках, на ногах, на боках. Длинные, красные полосы, как от веток. Эйва поджала пальцы ног: так сильно саднило ступни. На бёдрах — синяки, похожие на отпечатки пальцев. Много синяков.

Эйва замерла, рассматривая их.

Отпечатки пальцев. Если прищуриться, можно разглядеть — кто-то сжимал её бёдра с силой, достаточной, чтобы оставить следы. Большие пальцы спереди, остальные сзади. Широкий захват. Мужской.

— Господи, — выдохнула она и зажмурилась.

Картинки всплыли в памяти — рваные, бессвязные, похожие на обрывки старого кино. Лес. Поляна. Зверь. Язык, горячий и шершавый, между ног. Потом — руки. Человеческие руки на её талии, хотя всё остальное было звериным. Коленно-локтевая поза. Член, входящий так глубоко, что, кажется, доставал до горла.

Эйва открыла глаза и рассмеялась — нервно, истерично.

Сон. Конечно, сон.

Овуляция, долбанная овуляция, плюс воздержание после того, как Кевин слился к своей бывшей, плюс усталость от пешей прогулки через лес — вот и вся анатомия эротических фантазий. Мозг просто сварился от гормонов и решил устроить себе праздник. Секс с оборотнем! Ну надо же, до чего докатилась.

Она оглядела комнату в поисках успокоения.

Вот платье — льняное, лёгкое — валяется на полу у кровати. Скомканное, грязное, с прилипшими листьями и травинками. Рядом — трусы, тоже грязные, и одна босоножка. Второй нигде не видно.

Эйва посмотрела на свои ноги. Босая. Значит, вторую потеряла где-то в лесу. Она попыталась вспомнить дорогу домой — и не смогла. Провал. Чёрная дыра между лесом и этим утром.

— Дошла на автопилоте, — сказала она вслух. Голос прозвучал хрипло, как после долгого крика. — Просто устала и отключилась. Поэтому ничего не помню.

Объяснение звучало разумно. Вполне разумно. Она пошевелилась, собираясь встать, и замерла.

Простыня под ней была чистой. Сухой. Никаких следов. Ни её собственной влаги, ни того, чем, по версии сна, её заливали всю ночь. Тело чистое — она принялась, — пахло мылом. Тем самым, бабушкиным, с лавандой, что стояла в душевой кабинке.

Эйва нахмурилась.

Она что, мылась? Когда? Она не помнила, чтобы мылась. Последнее воспоминание — поляна, луна, этот невозможный взгляд жёлтых глаз... Она помотала головой, отгоняя видение.

Хватит. Сон. Просто сон.

Она поднялась с кровати, постанывая от боли в каждой мышце. Ноги дрожали, колени подгибались. Пройти до ванной — отдельный марафон. Зеркало над раковиной встретило её знакомым лицом — но с синяками под глазами, с опухшими губами, с диким взглядом. Она вгляделась в своё отражение.

Губы припухшие, чуть искусаны. И на шее... она повернула голову. На шее, чуть ниже уха, темнело пятно. Настоящий, отчётливый, с отпечатками зубов по краям засос. Эйва тронула его пальцем. Следы укуса. Если присмотреться, зубы слишком длинные для человека. Точно клыки.

— Да твою ж мать, — выдохнула она и уставилась на себя в зеркало.

Там, за её спиной, мелькнула тень. Эйва резко обернулась — никого. Пустая комната, залитая утренним солнцем.

Сердце колотилось где-то в горле.

— Спокойно, — сказала она зеркалу. — Ты просто натерла шею веткой. Или ударилась. Или присосался комар. Мало ли.

Но комары не оставляют следов клыков.

Она выпила воды прямо из-под крана, жадно, давась. Вода стекала по подбородку, капала на грудь. Эйва смотрела на своё отражение и пыталась дышать ровно.

Сон. Всё это сон. Секс с оборотнем в лесу — это просто фантазия переутомлённого мозга. Царапины — от веток. Синяки — от того, что падала, когда шла пешком. Засос... Мало ли что бывает в припадке лунатизма. Она вспомнила, как однажды в детстве бабушка рассказывала, что некоторые люди во сне ходят и даже едят.

Эйва улыбнулась своему отражению жалкой, нервной улыбкой.

— Ты просто перегрелась, — сказала она себе. — Овуляция, усталость, стресс. Мозг выдал тебе порно с монстрами. Бывает.

Она включила душ, встала под горячие струи и стояла так долго, пока пар не заполнил всю кабинку. Вода не смывала странное, тягучее чувство внизу живота. Чувство, что внутри всё ещё кто-то есть. Что её заполнили и оставили открытой.

Глупости. Она выключила воду, закуталась в полотенце и вернулась в комнату.

Платье и бельё валялись на полу. Она подняла их, поморщившись от запаха — лес, пот, что-то ещё, дикое и острое. Надо постирать. Надо позвонить в автосервис, чтобы забрали машину. Надо жить дальше. Она уже собиралась бросить вещи в корзину, когда пальцы нащупали что-то в кармане платя.

Маленький камешек. Гладкий, тёплый, с одной стороны запачканный чем-то тёмным.

Эйва поднесла его к лицу. Засохшая кровь. Не её? Или её?

Она сжала камешек в кулаке и посмотрела в окно. Там, за стеклом, зеленел лес. Тот самый лес, через который она шла прошлой ночью. Спокойный, безмятежный, совершенно обычный.

Где-то вдалеке завывала собака. Эйва вздрогнула. Прислушалась и выдохнула, рассмеялась собственной мнительности, разжала кулак и положила камешек на подоконник.

— Просто камень, — сказала она пустой комнате. — Просто лес. Просто сон.

Но когда она отворачивалась, ей показалось, или на стекле действительно мелькнуло отражение жёлтых глаз?

Она резко обернулась.

Никого.

Только солнце, только деревья, только тишина.

Эйва провела рукой по животу, где всё ещё ныло после сна, и улыбнулась. Странная улыбка получилась — растерянная, но счастливая. Как будто внутри поселилось что-то тёплое и важное.

— С ума схожу, — констатировала она. — Надо есть. Кофе. И звонить эвакуатору.

Она накинула халат и вышла из комнаты.

А на подоконнике, залитый солнцем, лежал маленький камешек. И кровь на нём уже высохла настолько, что превратилась в тёмно-коричневую корку, похожую на... след укуса.

Или поцелуя.

Эйва так и стояла, прижавшись лбом к прохладному дереву двери, когда в тишине раздался стук.

Она вздрогнула. Сердце подпрыгнуло к горлу и забилося там испуганной птицей. Стук повторился — настойчивый, но негромкий, и следом — голос:

— Эйва? Деточка, ты там?

Голос был женский, с хрипотцой, с той особенной интонацией коренных жителей этих мест, которые говорят по-английски чуть иначе — мягче, певучее, растягивая гласные.

Эйва выдохнула. Соседи. Конечно, соседи. Кто ещё может прийти в восемь утра в дом посреди леса?

Она оглядела себя в прихожей — толстовка на голое тело, мокрые волосы, синяки под глазами. Пригладила волосы рукой, одёрнула толстовку пониже, прикрывая бёдра, и открыла дверь.

На пороге стояли они.

Мэри и Джозеф Стоунвотер. Коренные американцы, из племени мохок, жившие здесь всю жизнь. Их дом был в полумиле вниз по дороге, у самого въезда в лес — тот самый, мимо которого Эйва проезжала вчера, думая о своём, не замечая ничего.

Джозеф высокий, сухой, с лицом, похожим на кору старого дуба. Он был одет в клетчатую рубашку и выцветшие джинсы. Из-под бейсболки с логотипом заправки смотрели глаза — тёмные, глубоко посаженные, с сеткой морщин вокруг, — смотрели пристально, изучающе, будто видели чуть больше, чем обычные люди.

Мэри — полная противоположность мужу. Кругленькая, мягкая, с седыми косами, уложенными вокруг головы короной. В руках она держала что-то, завернутое в кухонное полотенце, — и от этого свёртка пахло так, что у Эйвы свело скулы: яблоками, корицей, маслом, — домом.

— Ой, господи, — всплеснула руками Мэри, едва увидев Эйву. Глаза её вспыхнули тёплым светом. — Ах ты ж моя красавица! Да ты совсем взрослая стала!

Она всплеснула руками так энергично, что пирог в полотенце качнулся, и запах корицы ударил в ноздри с новой силой.

— А помню, вот такусенькую, — Мэри опустила ладонь почти к самому полу, — бегала тут босиком, лягушек ловила. Вся в бабушку свою, царствие ей небесное. А теперь — невеста!

Эйва выдавила улыбку, но внутри от слова «невеста» всё перевернулось и сжалось в тугий узел. Перед глазами мелькнуло — жёлтые глаза, шерсть, руки на её талии.

— Здравствуйте, миссис Стоунвотер. Мистер Стоунвотер. — Голос прозвучал хрипло, пришлось откашляться. — Проходите, пожалуйста.

— Да мы на минуту, — Джозеф переминался с ноги на ногу, держа в руках ключи от своего старого пикапа. Ключи позвякивали — нервно, хотя сам он казался абсолютно спокойным. — Я тут твою машину пригнал.

Эйва моргнула.

— Стоит у развилки, прямо у леса. Дверца открыта, ключи в замке. Ночью, что ли, бросила? Я ее заберу, посмотреть, что стряслось, потом заберешь.

Машина. Она забыла про машину. Совершенно. Последние часы — или это были сутки? — она думала о чём угодно, только не о «Бьюике», брошенном на обочине. Вчера, когда побежала в лес... а потом...

Потом было не до машины.

— Я... да, спасибо большое, — пробормотала она, чувствуя, как щёки заливают краской. — Я вчера так устала с дороги, решила пройтись пешком, подышать воздухом, а утром хотела вызвать эвакуатор, но...

— Ночью, значит, решила пройтись, — перебил Джозеф. Спокойно, без осуждения, но с какой-то странной интонацией.

Он посмотрел на неё долгим, тёмным взглядом. В его глазах, глубоко посаженных, мелькнуло что-то, будто он знает больше, чем говорит. Будто видит не только её лицо, но и то, что за ним.

— Ты это, осторожней, Эйва. — Голос низкий, ровный, без эмоций. — У нас тут лес... сам знаешь какой.

— Ой, да перестань ты! — Мэри пихнула мужа локтем с такой силой, что Джозеф качнулся. — Пугаешь девчонку своими рассказами. Ничего там нет, кроме оленей да енотов. Старые легенды, глупости.

Она повернулась к Эйве, и лицо её снова стало мягким, материнским.

— Ты вот лучше ешь, — она сунула Эйве в руки тёплый, тяжёлый свёрток. Пирог — Эйва чувствовала его вес, его тепло сквозь полотенце. — Яблочный пирог. Твоя бабушка мой рецепт знала, царствие ей небесное. Вкуснее ни у кого не выходит. Я тебе и молока принесла, домашнего, в банке. Вон, Джо, носи.

Джозеф протянул литровую банку из тёмного стекла с белой крышкой, внутри молоко отсвечивало желтизной.

— Спасибо, — у Эйвы защемило в носу. От запаха пирога, от этих людей, от бабушки, от всего сразу. — Я так тронута. Правда. Вы не представляете, как это вовремя. Я тут одна, ещё не успела в магазин...

— Да ладно, — отмахнулась Мэри. — Соседи же. Мы тут все друг за друга. Ты если что надо — сразу к нам. Мы вон там живём, у развилки, где и раньше. Джо тебе дрова наколет, если надо, печь затопить. А то бабка твоя старая печка, как бы чего не вышло зимой.

— Я справлюсь, спасибо. — Эйва прижала пирог к груди, как щит. — Правда, спасибо.

Мэри окинула её быстрым, цепким взглядом. Женщина есть женщина — она скользнула глазами по шее Эйвы, по тому месту, где под воротником толстовки прятался засос. По глазам — красным, опухшим. По тому, как Эйва держится за косяк, потому что ноги дрожат и готовы подогнуться в любой момент. Взгляд Мэри задержался на царапинах на руке — длинных, красных, похожих на следы веток. Или когтей.

— Ты отдохни, — мягко сказала она. Голос стал тише, интимнее. — Мы пойдём. А вечером если скучно станет — приходи чай пить. Мы всегда рады.

Джозеф уже повернулся уходить — широкая спина, клетчатая рубашка, бейсболка. Но на пороге задержался. Обернулся.

— Эйва, — позвал он негромко.

Она подняла глаза.

— Ты когда в лес пойдёшь — одна не ходи. Мало ли. Грибники теряются, туристы. Лес большой.

Он смотрел на неё в упор, и в этом взгляде было что-то тяжёлое, древнее.

— Поняла?

Она кивнула, сглатывая ком в горле. Кивнула, хотя понятия не имела, что он имел в виду. Или имела? Где-то глубоко внутри, там, где ещё жили обрывки ночных видений, ей казалось, что она понимает. Слишком хорошо понимает.

— Поняла, мистер Стоунвотер. Спасибо.

Дверь закрылась.

Эйва прислонилась к косяку лбом, прижимая к груди тёплый пирог. За окном взревел мотор старого пикапа — звук нарастал, потом стих, удаляясь.

Тишина.

Она стояла так долго, не двигаясь. Пирог грел руки. А в голове крутились слова Джозефа: «Лес большой. Одна не ходи». И ещё одно, что он не сказал вслух, но что читалось в его глазах: «Мы знаем, что там живёт».

Эйва оттолкнулась от косяка, прошла на кухню, поставила пирог на стол. Села. Обхватила голову руками.

— Это просто сон, — прошептала она в пустоту. — Просто сон, просто совпадение, просто усталость.

Но пальцы сами потянулись к шее, к засосу под воротником. К следам клыков, которые не могли оставить ветки, которые не могли присниться.

Она сидела на кухне в доме покойной бабушки, ела тёплый яблочный пирог, пила парное молоко и пыталась убедить себя, что всё в порядке. За окном стоял лес. Тот самый лес.

И где-то там, глубоко в чаще, кто-то с жёлтыми глазами ждал ночи.

Глава 3. Тот, кто ждёт

Ночью он не знал, как его зовут. Зверь внутри не знал имён. Он знал запахи, токи крови, вибрации земли под лапами и голод. Но человек, который спал глубоко внутри этой шкуры, всплывая только в минуты затишья, — человек знал.

Логан. Сын вожака. Альфа.

Ночью человек был далеко, где-то на самом дне сознания, заглушённый пульсом крови в чреслах и вкусом самки на языке. Он вышел в ночь за этим. Луна звала, гнала, требовала. Стая чувствовала его напряжение, самки вились вокруг, подставляя шеи, виляя хвостами, но ни одна не зажигала того огня, который сейчас сжигал его изнутри. Он ушёл один в лес, подальше от запахов родни, от подчинённых, от всех, кто мог помешать охоте.

Он искал. Воздух был густым от ароматов: хвоя, мох, прелая листва, мыши, косули где-то далеко. Но один запах пробил всё это, как удар ножом. Сладкий, тягучий, тёплый, — запах течки. Только не звериной, а человеческой. Самка. Его самка где-то рядом. Он побежал. Лес мелькал тенями, лапы несли его бесшумно, сердце колотилось в такт бегу. Когда он увидел её — маленькую, беззащитную, дрожащую в лунном свете, — мир остановился. Стройные ноги, округлые бёдра, грудь, вздымающаяся от страха, и этот запах, заполнивший лёгкие, ударивший прямо в мозг, в пах, в каждую клетку тела.

Зверь хотел рвать. Человек хотел обладать. Он погнался за ней. Мог настигнуть сразу, сбить с ног, вонзить клыки в загривок и взять силой — как взял бы любую звериную самку. Но что-то останавливало. Заставляло смотреть, как мелькают её голые икры в кустах, как развеваются волосы, как подпрыгивает грудь на бегу.

Наслаждение. Предвкушение. На опушке она упала, и он накрыл её. Лежа на ней, чувствуя, как его тяжесть вдавливают её тело в сырую землю, как бьётся её сердце где-то под его грудью, как вздрагивают мышцы, Логан не мог понять — кто он сейчас. Человек или зверь?

Он слизывал с её кожи солёную влагу и чувствовал себя богом. Она пахла страхом. Но под страхом — желанием. Тягучим, липким, горячим. Её тело отвечало ему. Соски затвердели под его языком, бёдра раздвигались в беззвучной мольбе, а когда он коснулся языком самого сокровенного — она закричала не от боли. От наслаждения. Это сломало в нём последний барьер. Он пил её. Буквально пил соки, текущие из неё, чувствуя на языке вкус жизни, вкус продолжения рода, вкус своей истинной пары. Истинной. Это слово вспыхнуло в мозгу, пробиваясь сквозь звериную пелену. Она не просто самка. Она — ЕГО самка. Та, которую он будет искать всю жизнь, если потеряет сейчас.

Когда она кончила под его языком — выгнувшись, закричав, — он понял: выбора нет. Только она. Навсегда. После он лежал на ней, всё ещё внутри, всё ещё связанный с ней узлом, не позволяющим разъединиться до окончания вязки. Он чувствовал, как пульсирует её лоно вокруг его члена, как постепенно спадают судороги, как выравнивается дыхание.

Он поднял морду и посмотрел в её глаза. В них больше не было страха. Было только удивление, усталость и... что-то ещё. То, что заставило его человеческую половину улыбнуться внутри звериной шкуры.

Она не убежит. Она останется. Она его.

Он лизнул её в губы — нежно, почти ласково, давая понять: всё будет хорошо. Он её не съест. Он будет её защищать. Любить. Иметь. Каждую ночь. Всегда.

Логан проснулся за час до рассвета — тело, привыкшее к ритмам леса, не нуждалось в будильниках. Но сегодня пробуждение было другим. Сегодня он сел в постели резко, с коло-тящимся сердцем, и первое, что ощутил — пустоту в руках.

Пустоту там, где несколько часов назад лежала она.

Логан провёл ладонью по лицу, прогоняя остатки сна. Вдох-выдох. Ещё вдох. Запахи поместья заполнили лёгкие — старое дерево, речная вода, лёгкая сырость каменных стен. И ни следа того сладкого, сводящего с ума аромата, который преследовал его всю ночь.

Он встал, прошёл босиком к окну, отёрнул тяжёлую штору.

За окном только начинало сереть. Река Святого Лаврентия лежала внизу тяжёлым, свинцовым полотном, над водой поднимался туман. На том берегу сосны стояли чёрными стражами — лес, уходящий в бесконечность. Их лес, территория стаи Деверо.

Поместье называли «Замком» — местные, туристы, даже некоторые свои. Огромный каменный дом в стиле американской готики, построенный ещё прапрадедом, когда семья только начинала подниматься на лесопилках и сталелитейных заводах. Сейчас у Деверо были заводы, недвижимость, акции, политические связи. И лес. Лес оставался главным — территория, где зверь внутри каждого члена стаи мог быть свободным.

За окном текла своей неторопливой жизнью река — широкая, спокойная, в этот час подернутая утренней дымкой. Солнце только поднялось, золотило верхушки сосен на том берегу, стелило дорожку по воде. Красиво. Спокойно.

Логан не видел ничего. Перед его глазами стояла она.

Запах. Чёрт бы побрал этот запах. Он впитался в ноздри, въелся в лёгкие, поселился где-то глубоко в мозгу и не желал уходить. Сладкий, тёплый, женский — и поверх него этот проклятый, сводящий с ума аромат готовности, который ударил в голову сильнее любого феромона.

Он помнил каждую секунду.

Как нёс её через лес — лёгкую, тёплую, без сознания, прижимая к груди так бережно, будто она была сделана из стекла. Как сполоснул в ручье, смывая с неё следы их ночи — свои следы, свой запах. Как уложил в постель в её доме — старом, пахнущем пылью и травами, таком незащищённом и хрупком, как и она сама. Как стоял над ней, рассматривая в тусклом свете луны черты лица, и не мог уйти.

Пришлось заставить себя.

Логан сжал пальцами подоконник так, что дерево жалобно скрипнуло. Надо сменить гнев на милость — подоконник был дубовый, но пальцы у него теперь тоже нечеловеческие. Хотя нет, сейчас он в человеческом облике. Просто напряжение зашкаливает.

— Логан? — голос матери донёсся из холла. — Завтрак готов. Ты спускаешься?

— Позже.

Он даже не обернулся. Мать знала этот тон — не сейчас, не трогай, я сам. Она вздохнула, но ушла.

Логан снова уставился на реку, но видел только поляну, залитую лунным светом. Видел её — раскинувшуюся на траве, мокрую, запрокинувшую голову. Слышал её крики — сначала от страха, потом от удовольствия. Чувствовал её вкус на языке — до сих пор, спустя часы, спустя утренний душ, спустя всё.

Он провёл рукой по лицу. Что это было?

Никогда. Ни разу за двадцать восемь лет жизни — двадцати восемью лет, из которых пятнадцать он контролировал трансформацию полностью, железно, как учили старшие, — никогда он не терял контроль. Даже в самое сильное полнолуние. Даже когда вокруг бесилась вся стая. Даже когда провоцировали намеренно.

Он был Логан Деверо Старший сын. Наследник. Тот, кто никогда не ошибается. Тот, у кого всё под контролем.

А вчера он сорвался.

Стоило только ветру донести этот запах — и мир перестал существовать. Осталась только потребность быть рядом, только желание — дикое, первобытное, нечеловеческое — сделать её своей.

Он не просто трахнул её. Он её... метил, пробовал на вкус, оставлял в ней своё семя. Вёл себя как самец во время гона, а не как разумный человек.

Логан зарычал сквозь зубы — глухо, зло. Сам на себя.

Но где-то глубоко внутри, под слоем стыда и злости, жило другое чувство. Тёплое и жадное, оно говорило: «Она твоя. Нашлась. Наконец-то нашлась».

Истинная пара.

Он слышал от отца, что есть те, кто создан друг для друга самой Луной, что их встреча неизбежна, что связь между ними сильнее любой магии. Логан никогда не верил. Считал сказками для щенков, которым нужна красивая романтика.

А теперь...

Он сжал переносицу пальцами. Боль отрезвляла.

Может, это просто место. Лес Адирондак — место силы стаи, их территория, где каждое полнолуние границы между человеком и зверем стираются чуть сильнее. Может, это просто запах самки в овуляцию — чистая биология, инстинкт, который пересилил разум. Может, она просто оказалась не в то время не в том месте.

Но тогда почему он до сих пор чувствует её на губах? Почему руки помнят тяжесть её тела? Почему внутри, под рёбрами, свернулось что-то тёплое и ноющее, когда он клал её в кровать?

— Ты влип, Деверо, — сказал он себе одними губами. — По самые уши.

Логан оделся быстро — джинсы, простая рубашка, натянул ботинки. Спать больше не хотелось. Хотелось двигаться, делать что-то, выплеснуть энергию, которая бурлила внутри с прошлой ночи.

Он спустился вниз по широкой лестнице, миновал холл с портретами предков — суровые лица, тёмные глаза, на всех одна и та же особенность: звериная настороженность во взгляде, даже когда художники пытались её затушевать. Вышел на заднюю веранду, вдохнул как можно глубже.

Речной воздух обжёг лёгкие свежестью. Где-то вдалеке крикнула птица. Тишина.

Логан спустился к воде, прошёлся по берегу. Ноги увязали в мокром песке, но он не замечал. Он видел только её.

Как она лежала на траве — раскинувшись, открытая, беззащитная. Как смотрела на него снизу вверх, когда он нависал над ней — сначала в зверином облике, потом в почти человеческом. Как кричала. Как её тело принимало его — сначала со страхом, потом с жадностью.

Он сжал кулаки так, что когти — уже начавшие выходить от напряжения — впились в ладони.

— Логан?

Голос донёсся сверху, от дома. Маркус, младший брат, стоял на веранде, курил, смотрел на него с ленивым любопытством.

— Ты чего в такую рань?

— Не спится.

— А, — Маркус понимающе хмыкнул. — Полнолуние. У всех бессонница. Отец уже на ногах, кого-то вызвал. Говорят, проблемы с охотниками.

Логан нахмурился. Охотники. Каждый год одно и то же — то туристы забредут не туда, то местные фермеры увидят следы и начинают паниковать. Но чтобы отец вызывал кого-то в такую рань... Он развернулся и быстро пошёл обратно к дому.

В кабинете отца действительно горел свет. Логан вошёл без стука — имел право. Чарльз Деверо сидел за массивным дубовым столом, перед ним стояли двое — Элис Тандер, бета стаи, высокая женщина с короткой стрижкой и вечно настороженным взглядом, и старый Джозеф Стоунвотер из племени мохок.

Логан замер на пороге.

Джозеф. Тот самый старик, который жил у леса. Он знал о них больше, чем любой охотник, и никогда не вмешивался, но всегда был рядом, когда случались проблемы.

— Логан, — отец поднял голову. Глаза у Чарльза были усталые, тёмные. — Садись. Есть разговор.

— Что случилось?

— Охотники, — коротко бросила Элис. — Группа из Канады. Профессионалы. Перешли границу два дня назад, идут по следам.

— Чьим следам?

Отец и Элис переглянулись. Джозеф молчал, смотрел в окно, но Логан чувствовал — старик здесь не просто так.

— По твоим, — сказал Чарльз жёстко. — Ты оставил запах. Сильный. На поляне, у ручья, вдоль всей тропы до дома старушки Хейз. Там сейчас гостит ее внучка.

Логан похолодел. Девушка. Её дом.

— Они знают про неё? — спросил он, и голос прозвучал ниже обычного, с рычащей ноткой.

— Пока нет, — Джозеф наконец повернулся. Глаза у старика были тёмные, древние, в них плескалась вода той самой реки, что текла здесь тысячу лет. — Но если пойдут по следу дальше — узнают. Ты вломился в её дом, Логан. Нёс её на руках через весь лес. Оставил запах везде, где прошёл.

— Я нёс её, потому что она была без сознания, — Логан старался, чтобы голос звучал ровно. Без эмоций. Без намёка на то, что случилось на самом деле. — Я нашёл её на поляне. Она отключилась. Я не мог оставить её там.

Он чувствовал взгляд отца — тяжёлый, пронизывающий. Чарльз знал его слишком хорошо. Знал, когда сын недоговаривает. Но Джозеф здесь, при нём не скажешь правду.

— Я просто отнёс её домой, — добавил Логан, глядя прямо в глаза отцу. — И всё.

Чарльз моргнул едва заметно. Кивнул. Понял.

— Ясно, — отец повернулся к Джозефу. — Сможешь запутать следы? Чтобы охотники вышли не к дому, а куда-нибудь в болото?

Старик хмыкнул сухо, без улыбки.

— Смогу. Лес мой, я в нём каждый камень знаю. Уведу их на запад, к топям. Там неделю блуждать будут, если вообще выберутся.

— Отлично.

Джозеф уже двинулся к двери, но на пороге остановился.

— К дому миссис Хейз, значит, нёс, — сказал он негромко, не оборачиваясь. — Внучка её вчера приехала. Эйва. Хорошая девочка, я её маленькой помню. Бабка её, царствие небесное, хорошая была женщина. Дом у них на отшибе, одна сейчас там.

Он помолчал.

— Лес вокруг того дома старый. Много чего видел. Много чего хранит.

И вышел. Элис скользнула следом бесшумно, по-кошачьи. В кабинете стало тихо. Часы на камине отсчитывали секунды. Логан стоял, не двигаясь, чувствуя, как под кожей зудит желание провалиться сквозь землю. Чарльз подошёл к двери, прикрыл её плотнее. Повернулся к сыну.

— А теперь рассказывай.

Логан выдохнул с шумом, с рычанием, сдерживая рвущегося наружу зверя.

— Я потерял контроль, — сказал он глухо. — Полностью. Впервые в жизни.

Отец молчал, ждал.

— Её запах... — Логан провёл рукой по лицу. Пальцы дрожали. — Я не мог остановиться. Я не хотел останавливаться. Я трахнул её, отец. Как зверь. Дважды. Я... я не знаю, сколько раз она кончила. Я сбился со счёта.

Чарльз медленно опустился в кресло.

— Истинная пара, — сказал он не спрашивая.

— Я не знаю. Может быть. А может, просто место силы и овуляция. — Логан заметался по комнате, как загнанный зверь. — Я не могу думать. Я чувствую её до сих пор. Вкус на губах. Запах в ноздрях. Я хочу вернуться туда, прямо сейчас, ворваться в её дом и...

— И что?

Логан замер. Посмотрел на отца.

— И сделать это снова. И снова. Пока она не поймёт, что она моя.

Чарльз поднялся, подошёл к сыну. Встал напротив — такой же высокий, такой же широкоплечий, с теми же серыми глазами, только старше, мудрее, спокойнее.

— Ты нашёл её, — сказал он тихо. — Это не случайность. Луна не делает ошибок.

— А если она не захочет?

— Захочет. — Чарльз положил руку ему на плечо. — Твоя мать тоже не хотела поначалу. Думала, что я монстр. Убегала, пряталась, проклинала тот день, когда встретила меня. А теперь тридцать пять лет вместе.

Логан сглотнул.

— Я не знаю, что делать.

— Для начала — ничего. — Отец усмехнулся одними глазами. — Спрячься здесь. Пережди. Пусть Элис сходит, познакомится, разведает. А когда охотники уйдут, когда стая разберётся с делами — тогда и пойдёшь по-человечески с цветами, как полагается.

— С цветами, — Логан хрипло рассмеялся. — Я трахнул её как зверь в лесу, а теперь приду с цветами?

— Именно. — Чарльз хлопнул его по спине. — Покажешь, что ты не только зверь, что ты умеешь быть человеком. Это важно, сын. Для истинной пары важнее, чем для кого-либо.

Логан молчал, переваривая.

— А если я не смогу ждать?

— Сможешь. — Голос отца стал жёстче. — Потому что если сорвёшься сейчас — напугаешь её навсегда. И тогда даже истинная пара не поможет. Она уедет, исчезнет, и ты будешь искать её всю жизнь. А может, и не найдёшь.

Логан закрыл глаза. Вдох-выдох. Ещё вдох. Она была там, за лесом в старом доме. Одна, беззащитная, и пахла так, что хотелось выть.

Чарльз подошёл к Логану, положил руку на плечо.

— Ты как?

— Не знаю, — честно ответил Логан. — Я никогда не терял контроль. Никогда не чувствовал себя... слабым.

— Слабость тут ни при чём, — Чарльз покачал головой. — Это сила. Самая большая, какая может быть у нашего рода. Ты нашёл ту, ради которой стоит жить, ради которой стоит умирать. Это не слабость — это якорь.

Логан поднял глаза на отца.

— Ты поэтому до сих пор держишься? Из-за мамы?

— Из-за мамы, — кивнул Чарльз. — Каждый день я благодарю Луну за то, что нашёл её. Он похлопал сына по плечу и пошёл к двери, но на пороге остановился.

— Эйва, кажется? Имя красивое.

— Откуда ты...

— Джозеф сказал. — Отец усмехнулся. — Он знает всё, что происходит в его лесу. Иди, Логан. Всё будет хорошо.

Дверь закрылась. Логан остался один. Он ещё долго сидел в кабинете, глядя на тлеющие угли в камине. Мысли путались: курорт, охотники, стая, Эйва. Её лицо, её запах, её тело под ним.

Ноги сами вынесли его на веранду, к реке.

Туман уже рассеивался, солнце поднималось выше, золотило воду. Где-то на том берегу просыпался лес — их лес, старый, тёмный, хранящий тысячу тайн. Вчера в этом лесу он нашёл её.

Логан опёрся руками о перила и закрыл глаза. Воспоминание нахлынуло — резкое, болезненно-острое, как удар под дых.

Запах.

Он шёл по лесу в зверином обличье, почти не контролируя себя — полнолуние давило на инстинкты, требовало выплеска, охоты, крови. И вдруг ветер переменился. И в следующий вдох он уже не помнил, зачем шёл, куда, почему. Был только ОН — запах. Сладкий, тёплый, женский. Запах самки, готовой принять. Запах, от которого подогнулись лапы и помутился рассудок.

Он побежал. Не думая, не выбирая дороги. Просто на запах, на свет, на неё.

А когда нашёл — мир кончился.

Логан сжал перила так, что дерево затрещало. Вдох-выдох. Спокойно.

Она стояла на поляне — босая, в разорванном платье, с волосами, разметавшимися по плечам. Лунный свет лился на неё сверху, делая кожу почти прозрачной. И запах — этот проклятый запах шёл от неё волнами, ударял в ноздри, плавил мозг.

Он помнил, как подошёл. Как она смотрела на него — сначала с ужасом, потом с чем-то другим. Как упала на спину, когда он навис над ней. Как зажмурилась, ожидая смерти.

А он вместо этого лизнул.

Господи, он лизнул её — первый раз в жизни зверь внутри него захотел не убить, а попробовать на вкус. И этот вкус... он до сих пор чувствовал его на языке. Солёный от пота, сладкий от её собственного возбуждения, терпкий, живой. Вкус жизни. Вкус его женщины.

Логан зарычал — тихо, сдавленно, прижимая ладонь ко рту, чтобы никто не услышал.

Дальше было хуже.

Язык. Он помнил, как водил языком по её телу — от шеи до самого низа, смакуя каждый дюйм, каждую складочку. Как она выгибалась под ним, вцепившись в траву, и стонала — сначала от страха, потом от удовольствия. Как кончила, закричав так, что, наверное, встали волки за милю.

А потом — руки.

Он помнил момент, когда в нём что-то щёлкнуло, и он перекинулся в человеческую форму, но не до конца. Оставил когти, оставил силу, оставил звериную сущность — потому что боялся, что в чисто человеческом теле не справится с ней. Не удержит.

Он помнил, как вошёл в неё сзади первый раз. Как она кричала от боли и удовольствия одновременно. Как сжималась вокруг него, горячая, тесная, идеальная. Как пахла страхом и похотью, и этот запах сводил с ума ещё сильнее.

Он трахал её долго. Очень долго. Пока она не перестала соображать, пока не начала просто принимать, открываться, просить ещё. Он позволил себе кончить тоже. В неё. Глубоко. Оставляя свой след, свой запах, своё семя.

Логан сжал зубы до скрежета. В паху запульсировало знакомое тепло — даже воспоминания хватало, чтобы зверь внутри зашевелился, требуя продолжения.

Он был осторожен. Насколько вообще может быть осторожен зверь, когда берёт свою самку. Он помнил, как размазывал смазку — её собственную влагу, смешанную со слюной — по тугим складочкам. Как входил медленно, дюйм за дюймом, чувствуя, как она дрожит под ним. Как она плакала от странного, пугающего удовольствия.

И как кончила снова, когда он наконец вошёл до конца.

Логан открыл глаза.

Руки дрожали. Дыхание сбилось. В паху стоял камень — член требовал выхода, требовал продолжения, требовал её снова.

Он ударил кулаком по перилам — раз, другой, третий. Дерево треснуло, но он не заметил. Боль отрезвляла — чуть-чуть, самую малость.

— Твою мать, — выдохнул он хрипло. — Твою же мать.

Она была там, за лесом, в своём старом доме. Спала сейчас, наверное, и видела сны. Может быть, те же сны, что мучили его наяву.

Он хотел пойти к ней прямо сейчас. Сорваться с места, перекинуться, пробежать лес за десять минут, ворваться в дом, упасть на колени перед её кроватью и просто смотреть. Смотреть, как дышит, как вздрагивают ресницы, как губы шевелятся во сне. Просто смотреть. Или не просто.

Зверь внутри взвыл — согласно, довольно.

Логан сжал голову руками, вцепился в волосы, дыша через раз.

Нельзя. Нельзя. Если он пойдёт сейчас — он не сможет остановиться. Он разбудит её, увидит эти глаза, вдохнёт этот запах — и всё повторится. А она не готова. Она думает, что это сон. Она испугается. Она может убежать. Может позвать на помощь. Может...

Он зарычал в голос — глухо, отчаянно.

— Логан? — голос Маркуса донёсся откуда-то сбоку. — Ты как?

— Отвали.

Маркус, умный парень, отвалил.

Логан стоял у реки, вцепившись в разбитые перила, и смотрел на воду. Солнце поднималось всё выше. Где-то пели птицы. Жизнь шла своим чередом.

А внутри него выл зверь, требуя вернуться к ней.

— Скоро, — пообещал Логан в пустоту. Голос сел, охрип. — Скоро, девочка. Я приду.

Он развернулся и пошёл в дом принимать душ, пить кофе, делать вид, что он в порядке, что он контролирует ситуацию, что он всё ещё тот железный Логан Деверо, который никогда не теряет голову.

Но в душе, стоя под ледяной водой, он всё равно чувствовал её вкус на губах.

Глава 4. Та, что не знает

Эйва сидела на кухне, обхватив ладонями кружку с остывшим чаем, и смотрела в окно. Пирог Стоунвотеров лежал на столе, от него всё ещё тянуло теплом и корицей, но есть не хотелось. Мысли разбегались, как тараканы от света.

Всё началось с сообщения от Кевина. Короткого, сухого, без намёка на извинения: «Прости, я встретил другую. Не ищи меня». Два года отношений — коту под хвост. Два года, которые она вкладывала в него, в них, в их будущее. А он просто взял и перечеркнул всё одним предложением.

Эйва тогда проревела всю ночь, а наутро полезла в интернет искать ретриты. Что-нибудь подальше от Нью-Йорка, подальше от людей, подальше от всего. И наткнулась на объявление: «Перезагрузка в лесах Адирондак: йога, медитации, восстановление внутреннего баланса». Две недели вдали от цивилизации. Как раз то, что нужно.

А потом вспомнила про бабушкин дом.

Маргарет Хейз умерла два года назад. Эйва тогда не смогла приехать на похороны — работа, командировка, вечные отговорки. Дом остался стоять, как памятник её равнодушию. Всё это время она думала продать его, но руки не доходили. А теперь, когда появился повод приехать, почему бы не совместить? Ретрит плюс оценка недвижимости. Заодно разобрать вещи, вспомнить детство, попрощаться.

Она отхлебнула чай — холодный, пришлось поставить кружку обратно.

Дом встретил её запахом пыли и старого дерева. Бабушка была из тех женщин, которые держат всё под контролем: идеальный порядок, выстиранные занавески, начищенная посуда. После её смерти здесь никто не жил, и время взяло своё.

Эйва посмотрела на руки. На запястьях темнели синяки — отчётливые следы чьих-то пальцев. Она провела по ним подушечками, пытаясь вспомнить, откуда они взялись. Может, упала, когда шла через лес? Или споткнулась о корень и повисла на ветке? Не помнила. Вообще ничего не помнила после того, как увидела того волка... или это был сон?

Она коснулась шеи — засос всё ещё ныл, если надавить. Следы клыков, похожие на укусы. Эйва тряхнула головой, отгоняя мысли.

Хватит. У неё есть план. Две недели ретрита, потом оценка участка, поиск покупателя. Деньги от продажи помогут начать новую жизнь. Может, даже уволиться с этой дурацкой работы в маркетинговом агентстве, где начальник считает, что её время не стоит ничего.

Она дизайнер. Хороший дизайнер. Кевин всегда говорил, что у неё талант, но при этом добавлял, что «талант без связей ничего не стоит». Теперь Кевина нет, а талант остался. И она докажет всем, что может сама.

Эйва отрезала кусок пирога, заставила себя съесть. Яблоки, корица, тонкое слоёное тесто — вкус детства. Бабушка тоже пекла такой. Они сидели на этой самой кухне, пили чай, болтали. Бабушка рассказывала истории про лес, про соседей, про то, как встретила деда.

— Лес у нас особенный, — говорила она, помешивая ложечкой чай. — Он слышит, девочка. Он чувствует. Ты только не бойся его, и он тебя не тронет.

Эйва тогда смеялась. Бабушка и её сказки. Собака дьявола, оборотни, духи леса. Старые индейские легенды, которые передавались из поколения в поколение.

Она доела пирог, выпила ещё чаю. Решила: надо заняться делами. Разобрать бабушкины вещи, составить список того, что можно выбросить, что оставить. Позвонить риелтору, договориться об оценке. А вечером сходить к Стоунвотерам, поблагодарить за пирог и заодно спросить про участок. Они местные, должны знать, сколько сейчас стоит земля в этих краях.

Эйва встала из-за стола, подошла к окну. Лес стоял зелёной стеной, спокойный, равнодушный. Солнце поднялось уже высоко, золотило верхушки сосен. Красиво. До мурашек красиво.

И где-то в глубине этого леса, среди этих деревьев, она видела прошлой ночью... что?

Она закрыла глаза, пытаясь ухватить ускользающее воспоминание. Жёлтые глаза. Шерсть. Горячий язык. Руки, сильные, с когтями, но такие нежные...

Эйва резко открыла глаза, тряхнула головой.

— Хватит, — сказала она вслух. — Это был сон. Просто сон. Овуляция, стресс, усталость. Никаких оборотней не существует.

Но, проходя мимо подоконника, она зацепилась взглядом за маленький камешек. Тот самый, что нашла в кармане платья. Гладкий, тёплый, с тёмной коркой засохшей крови.

Она взяла его в руку, повертела. Камень как камень. Мало ли таких в лесу. Но почему-то ей не хотелось его выбрасывать.

Эйва положила камешек обратно на подоконник и пошла разбирать вещи. День только начинался, и впереди было много дел. Эйве пришлось потратить целый день, чтобы сделать комнаты пригодными для жизни. Но оно того стоило. Потому что здесь было тихо. По-настоящему тихо. Ни сигналящих машин, ни соседей за стеной, ни бесконечного потока уведомлений в телефоне.

Эйва вышла из дома ближе к вечеру, когда жара спала и лес начал наливаться густыми синими тенями. Она накинула лёгкую ветровку — на всякий случай, мало ли в лесу прохладно, — сунула в карман телефон и зашагала по дороге к дому Стоунвотеров.

Идти было недалеко — с полмили вниз по просёлку, мимо старой сосновой рощи, мимо поворота к реке. Дорога петляла между деревьями, и в каждом изгибе Эйва ловила себя на том, что вглядывается в чашу. Ищет что-то. Или кого-то.

Глупо. Там никого нет.

Дом Стоунвотеров стоял на пригорке, у самого въезда в лес. Старый бревенчатый сруб, явно не первой молодости, но ухоженный — свежая краска на наличниках, аккуратные ставни, на крыльце герань в горшках. Рядом с домом — большой сарай и открытый навес, под которым стоял пикап Джозефа и рядом — её «Фольксваген», целый, невредимый, даже помытый. Эйва улыбнулась. Хорошие соседи. Редкость в наше время.

Она поднялась на крыльцо, постучала. Изнутри донёсся запах стряпни — жареный лук, картошка, свежая зелень. У Эйвы свело желудок: она сегодня так и не поела нормально, только пирог.

Дверь открыла Мэри. Кругленькая, в цветастом переднике, с косой, уложенной вокруг головы, она светила радужием.

— Эйва! А мы тебя ждали! — всплеснула она руками. — Заходи, заходи, как раз ужин готов. Джо! К нам гости!

Эйва шагнула через порог и оказалась в большой, тёплой кухне, где пахло так, как может пахнуть только настоящий дом — деревом, травами, едой и ещё чем-то неуловимым, что Эйва помнила с детства. Бабушкин дом пах так же.

— Я только на минуту, — начала она, но Мэри уже усаживала её за стол.

— Какие минуты! Садись, ешь. Вон, тощая какая, кожа да кости. В Нью-Йорке вас совсем не кормят, что ли?

Эйва рассмеялась и села. Спорить с Мэри было бесполезно — она поняла это ещё в детстве. Джозеф вошёл через чёрный ход, вытирая руки ветошью. Кивнул Эйве, сел напротив.

— Машину забрать пришла?

— Да, спасибо вам огромное. Я даже не знаю, как отблагодарить.

— Благодарность потом, — Джозеф взял кружку с чаем, которую поставила перед ним жена. — Ты ешь давай. Мэри, если обидится, неделю разговаривать не будет.

— Я всё слышу! — донеслось от плиты.

Эйва улыбнулась и отправила в рот ложку картошки с мясом. Как вкусно! По-домашнему, по-настоящему. Какое-то время ели молча. За окном темнело, в кухне зажгли лампу, и сразу стало уютно, как в детстве.

— Ну как тебе тут? — спросила Мэри, подсаживаясь к столу. — Не страшно одной в доме? Лес всё-таки.

— Нормально, — Эйва пожала плечами. — Правда, забрела далеко, устала, потом еле домой добралась.

Она сказала это и вдруг поняла, что не помнит, как добиралась. Вообще. Джозеф поднял на неё тёмные, глубокие, с хитринкой глаза.

— В лесу?

— Ага. — Эйва почувствовала, что краснеет. — Глупо, наверное. Без фонарика, в сумерках. Но я думала, что успею.

— Лес он такой, — Джозеф отхлебнул чай. — Не любит, когда не готовятся. Тропинки путает, время прячет. Можно полчаса ходить, а вернуться через сутки. Или не вернуться.

— Джо! — цыкнула Мэри. — Не пугай девчонку.

— Я не пугаю. Я рассказываю. — Он посмотрел на Эйву в упор. — Бабка твоя, царствие ей небесное, это хорошо знала. Она с лесом дружила. Уважала его.

Эйва нервно сглотнула.

— Бабушка много чего рассказывала. Про лес, про духов, про...

— Про оборотней, — закончил за неё Джозеф. — Она любила эти истории. Мохокские легенды, старые предания. Сама-то не верила, а рассказывала красиво.

— А вы верите? — вырвалось у Эйвы.

Мэри и Джозеф переглянулись.

— Вера — дело тонкое, — уклончиво сказал Джозеф. — Мы тут живём всю жизнь. Лес знаем. В нём много всего водится, чего в городе не встретишь.

— Например?

— Например, — Джозеф поставил кружку, — есть в наших краях поверье. Будто в полнолуние звери могут становиться людьми. А люди — зверями. Не все, конечно. Те, у кого кровь особенная. Старые семьи, которые здесь веками живут.

— Деверо, например, — вставила Мэри и тут же прикусила губу.

Джозеф бросил на неё быстрый взгляд, но промолчал.

— Деверо? — переспросила Эйва. — Это кто?

— Семья богатая, — неохотно ответил Джозеф. — Живут в большом доме на реке, за лесом. Промышленники. Давно здесь осели.

— И что с ними не так?

— А кто говорит, что не так? — Джозеф усмехнулся. — Всё с ними так. Просто живут тихо, никого не трогают. Но в полнолуние от их дома вой слышно. Далеко.

— Волки воют, — сказала Эйва, но в голосе не было уверенности.

В тот же миг где-то за лесом, в стороне реки, тонко и тоскливо затянула собака — не волк, нет, обычная дворняга, но в её протяжном плаче было что-то зябкое, почти человеческое. Эйва вздрогнула, пальцы невольно сжали край стола. Она повернула голову в сторону окна, прислушиваясь, но вой быстро оборвался, словно кто-то одёрнул пса. Тишина вернулась, тягучая и настороженная. Эйва выдохнула, лишь сейчас заметив, что задержала дыхание.

— Волки, — согласился Джозеф. — Конечно, волки.

Мэри встала, налила всем свежего чая.

— А ты сама-то чего спрашиваешь? — спросила она мягко. — Видела что-то?

Эйва замялась. Рассказывать про сон? Про жёлтые глаза, про язык, про руки с когтями? Про то, как до сих пор ноет между ног и синяки не проходят?

— Нет, — сказала она. — Просто бабушка рассказывала. Интересно, откуда вообще такие легенды берутся.

— Оттуда, — Джозеф кивнул в сторону окна, за которым чернел лес. — Оттуда всё и берётся. Лес большой. Он много чего хранит.

— И много кого, — добавила Мэри тихо.

Эйва допила чай, поблагодарила за ужин. Джозеф отдал ей ключи от машины — «Бийик» стоял под навесом, заправленный и вымытый. Она пошла к машине, завела двигатель — тот урчал ровно, как новенький. Выехала на дорогу и покатила к бабушкиному дому.

В зеркале заднего вида мелькнула фигура Джозефа — он стоял на крыльце и смотрел вслед. А над лесом уже поднималась луна. Ещё не полная, но уже большая, круглая, жёлтая.

Эйва поехала быстрее.

Дома, заперев дверь, она долго стояла под горячим душем, пытаясь смыть с себя липкое чувство тревоги. Но оно не смывалось.

В спальне, перед сном, она подошла к окну. Подоконник был пуст. Эйва похолодела, а потом вспомнила: камешек. Она же положила его сюда утром. Он лежал на том же месте. Маленький, тёмный, с засохшей кровью.

Эйва взяла его в руку, повертела. И вдруг отчётливо, до дрожи, поняла: этот камень — не просто камень. Это след, доказательство, что ночь в лесу была не сном.

Она зажала его в кулаке, прижала к груди и прошептала в темноту:

— Кто ты?

Тишина. Только ветер шумел за окном.

И где-то далеко, в глубине леса, кто-то завывал. Ночь опустилась на лес быстро, как занавес в старом театре.

Эйва лежала в бабушкиной постели — широкой, деревянной, с высокой спинкой и пружинным матрасом, который помнил ещё её детство. За окном шумели сосны, где-то далеко ухала сова. Тишина. Обычная лесная тишина.

Но Эйва не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок, сбрасывала одеяло, натягивала обратно. В голове крутились слова Джозефа: «Деверо», «полнолуние», «лес много чего хранит».

Глупости. Старые индейские сказки. Бабушка рассказывала их, чтобы развлечь внуку. Никаких оборотней не существует. Это научный факт.

Эйва села в постели, включила ночник. Тёплый жёлтый свет разогнал темноту, но не разогнал мыслей. Она посмотрела на свои руки. На запястьях всё ещё темнели синяки — отчётливые отпечатки пальцев. Больших мужских пальцев.

Кто мог оставить такие следы? Если бы она просто шла через лес, спотыкалась, падала — синяки были бы на коленях, на локтях, на бёдрах. А эти — именно там, где её сжимали. Держали.

Эйва встала, подошла к зеркалу, стянула футболку.

Тело в жёлтом свете выглядело бледным, почти прозрачным. Синяки на бёдрах, там, где её сжимали, когда брали сзади. Царапины на спине — длинные, красные полосы, которые она сначала приняла за ветки. Она повернулась к зеркалу боком, рассматривая себя. Следы укуса на шее. Чёткий контур зубов — слишком длинных для человека. И засосы на груди, на животе, на внутренней стороне бёдер.

— Господи, — прошептала она, прижимая ладони к лицу.

Это не сон. Это не могло быть сном.

Но если не сон, то что? Её изнасиловали? В лесу, ночью, каким-то... кем? Человеком? Зверем?

Эйва опустила руки, посмотрела на своё отражение. В глазах — страх, растерянность, и что-то ещё. Что-то, чему она боялась дать имя.

Она помнила не боль. Она помнила удовольствие. Как тело выгибалось само, как соки текли рекой, как она кричала и просила ещё. Как кончала раз за разом, пока сознание не померкло.

Это не похоже на изнасилование. Это похоже на... на секс. Дикий, необузданный, животный, но секс по обоюдному согласию. Только она не помнила, чтобы соглашалась. Она помнила только страх, который потом сменился чем-то другим.

Эйва отошла от зеркала, натянула футболку, забралась обратно в постель.

Оборотни. Она думала об этом слове, и оно казалось смешным. Детским. Сказочным.

Но если не оборотень, то кто? Человек, который переоделся в звериную шкуру? Фетишист какой-нибудь? Тогда откуда когти? Откуда шерсть, которую она помнила на ощупь? Откуда жёлтые, светящиеся в темноте глаза?

Она закрыла глаза, и воспоминание нахлынуло снова.

Лес. Поляна. Луна. Он стоит над ней — огромный, тёмный, с серебристой рябью на загривке. Мышцы перекатываются под шерстью. Глаза горят. И запах — дикий, мускусный, тёплый, от которого внутри всё сжимается.

А потом язык. Горячий, шершавый, невероятно широкий. Он лижет её, пробует на вкус, и она тает, растекается, теряет себя.

— Моя, — раздалось в голове.

Эйва распахнула глаза.

Голос. Она слышала голос. Не вслух, а внутри. Глубокий, низкий, вибрирующий. Он сказал это, когда нёс её через лес. Когда укладывал в постель. Когда укрывал одеялом.

«Моя».

Она села, прижимая руку к груди. Сердце колотилось как бешеное.

— Этого не может быть, — сказала она вслух. — Я схожу с ума.

Она легла, натянула одеяло до подбородка, закрыла глаза. Но перед внутренним взором всё равно стояли жёлтые глаза. И голос звучал снова и снова:

«Моя».

Эйва провалилась в сон неожиданно — будто кто-то щёлкнул выключателем, и сознание погасло. Но сон не принёс покоя.

Сначала была только темнота. Густая, плотная, как смола. Эйва плыла в ней, не чувствуя тела, не понимая, где верх, где низ. А потом темнота начала светиться — изнутри, жёлтым, знакомым до дрожи светом.

Глаза.

Они смотрели на неё из темноты — огромные, жёлтые, с вертикальным зрачком. В них горел голод. Но не тот голод, что убивает. Тот, что берёт.

— Ты пришла, — голос прозвучал в голове, низкий, вибрирующий, от которого всё внутри сжалось в тугий узел.

Эйва хотела ответить, но язык не слушался. Она только смотрела в эти глаза и чувствовала, как тело начинает жить своей жизнью.

Жар разлился внизу живота — знакомый, тягучий, требовательный. Грудь отяжелела, соски затвердели, трусы мгновенно промокли. Она хотела закричать, остановить это, но тело не слушалось.

Оно хотело.

— Не бойся, — голос приблизился. — Я не сделаю тебе больно.

Из темноты выступила фигура. Сначала он был зверем — огромный волк с серебристой шерстью, с горящими глазами, с мышцами, перекатывающимися под кожей. Он подошёл к ней, и Эйва почувствовала его запах — дикий, мускусный, тёплый. Тот самый запах, что преследовал её с той ночи.

Зверь лёг у её ног, подставил голову под руку. И Эйва, не думая, провела пальцами по его шерсти. Мягкая, тёплая, живая. Она гладила его, и зверь довольно урчал.

А потом он начал меняться. Шерсть втягивалась, мышцы перестраивались, морда становилась человеческой. Но не до конца — глаза оставались жёлтыми, когти на руках блестели в темноте, а тело покрывала лёгкая рябь шерсти, только делавшей его ещё более диким, ещё более опасным.

Он смотрел на неё сверху вниз, и в этом взгляде было всё — голод, нежность, обещание.

— Моя, — сказал он вслух. Губами. Человеческими губами.

И накрыл её собой.

Эйва задохнулась от тяжести, от жара, от того, как его тело прижалось к её телу — везде, сразу, без зазоров. Она чувствовала его член — твёрдый, горячий, упирающийся в живот. Чувствовала его дыхание на своей шее. Чувствовала, как его руки — сильные, с когтями, но такие бережные — скользят по её телу, гладят, сжимают, дразнят.

— Ты хотела знать, кто я, — прошептал он ей в ухо. — Я здесь.

Она хотела ответить, но он вошёл в неё — резко, глубоко, сразу до упора. И слова кончились.

Дальше было только тело. Его член внутри неё — толстый, длинный, заполняющий целиком. Его ритм — быстрый, жёсткий, звериный. Его рычание, когда он наклонялся и кусал её за плечо — не больно, а так, чтобы пометить.

Эйва кончила почти сразу. Но он не остановился. Он продолжал двигаться, используя её влагу, её соки, её готовность.

— Ещё, — приказал он. — Я хочу ещё.

И она подчинилась.

Во сне всё было ярче, острее, реальнее. Каждое прикосновение отдавалось во всём теле, каждый толчок заставлял выгибаться, каждый его стон отзывался в ней вибрацией. Он брал её снова и снова — то сверху, то сзади, то на боку, прижимая к себе так крепко, что, казалось, они срастаются в одно целое.

В какой-то момент он перевернул её на живот, приподнял таз и вошёл сзади в тугие складки, куда уже входил той ночью. Эйва вскрикнула от неожиданности, от боли, от удовольствия, но он замер, давая привыкнуть.

— Тш-ш, — прошептал он, поглаживая её спину. — Я осторожно.

И он был осторожен. Медленные, глубокие толчки, которые постепенно ускорялись, пока боль не сменилась тем самым странным, тягучим удовольствием, которое она помнила.

Она кончила снова — на этот раз долго, судорожно, сжимаясь вокруг него, и он зарычал довольно, принимая её оргазм как должное.

А потом кончил сам — горячо, обильно, заливая её изнутри.

Эйва провалилась в темноту, но перед самым выходом из сна услышала:

— Я найду тебя. Скоро.

Она проснулась от собственного стога.

Тело горело, между ног было мокро, сердце колотилось где-то в горле. Эйва села в постели, прижимая руку к груди, и попыталась отдышаться.

Сон. Это был сон.

Но запах... она замерла, принюхиваясь. В комнате пахло им. Тем самым диким, мускусным запахом. Или ей казалось?

Эйва сползла с кровати, подошла к окну. За стеклом серел рассвет. Лес стоял тихий, спокойный, безмолвный.

Она прижалась лбом к холодному стеклу и прошептала:

— Кто ты? Чего ты хочешь?

И где-то глубоко внутри, в самой груди, отозвалось знакомое тепло. Голос низкий, вибрирующий ответил:
«Тебя».

Глава 5. Тот, кто охотится

Логан бежал.

Это было не просто движение — это было освобождение. Лапы вминали влажную лесную подстилку, мышцы перекачивались под шкурой с каждым прыжком, лёгкие раздувались кузнечными мехами, втягивая воздух, полный запахов леса.

Ночь ударила в ноздри сложной симфонией: прелая листва, хвоя, влажный мох, грибница глубоко под землёй. Где-то слева пробежала мышь. Логан уловил её страх, быстрый, как искра. Справа, метрах в двухстах, спала сова, уткнувшись клювом в перья. Впереди, за петляющим ручьём, пахло оленем. Крупным, старым, с тяжёлыми рогами.

Стая растянулась цепью, охватывая лес полумесяцем. Логан чувствовал каждого: Маркус справа, нервный, азартный, чуть вырывается вперёд; Элис слева, спокойная, расчётливая, держит ровный темп; двое молодых — Сэм и Джулс — замыкают, им пока нельзя в первые ряды, могут спугнуть добычу раньше времени.

Логан дал сигнал — короткий мысленный импульс, доступный только стае: «Заходим».

Лес взорвался движением.

Олень рванул с места, когда стая сомкнула кольцо. Крупный самец, матёрый, с шерстью, посеребрённой возрастом, и рогами, способными распороть брюхо любому, кто ошибётся. Он петлял между сосен, перепрыгивал валежник, уходил в чащу, пытаясь сбить преследователей с толку.

Бесполезно.

Логан летел над землёй, почти не касаясь её. Ветки хлестали по морде, но он не замечал. Мир сузился до одного: запах оленя, его паника, его сила, которую стая вот-вот возьмёт.

Маркус вырвался вперёд, попытался атаковать сбоку, но олень резко вильнул, едва не поддев брата рогами. Логан рыкнул, предупреждая: не лезь, я первый.

Он сделал это не из жадности. Просто зверь внутри требовал — не убийства, нет, но движения, скорости, того сладкого момента, когда всё сходится в одной точке. Единственное, что могло хоть ненадолго приглушить тупую, ноющую боль в груди — ту, что оставила после себя она.

Олень вылетел на поляну.

Секунда — и Логан прыгнул.

Удар пришёлся в бок, сбивая животное с ног. Олень рухнул, подмяв под себя кусты папоротника, забился, пытаясь встать, но Логан уже вцепился клыками в горло. Всё кончилось быстро. Почти без боли. Так, как учат старые волки: уважать добычу, не заставлять её мучиться дольше, чем нужно.

Логан отошёл, насытившись ровно настолько, чтобы зверь успокоился, он поднялся на пригорок, лёг, положил тяжёлую голову на лапы.

Мысли возвращались к ней.

Он чувствовал её даже здесь, в полумиле от её дома. Тонкая ниточка тянулась от груди куда-то в темноту, к старой избушке на опушке. Она спала сейчас. Или нет? Ей снились сны? Может быть, те же, что мучили его?

Логан зарычал тихо, сам на себя. Хватит. Он пришёл сюда, чтобы забыться, чтобы выплеснуть звериную энергию и вернуться человеком. Хотя бы на время.

— Хорошая охота, — Маркус подошёл бесшумно, ткнулся носом в загривок брата. — Ты как?

Логан мотнул головой: нормально.

— Врёшь, — Маркус улёгся рядом, тоже глядя в темноту. — Я чувую. Ты весь день сам не свой.

Логан молчал. Не хотелось говорить. Даже мысленно.

— Ладно, — брат вздохнул по-человечески, хотя был в волчьей шкуре. — Пошли обратно. Элис сказала, завтра совет. Надо обсудить Харрисонов.

Они поднялись, отряхнулись и потрусили назад, к дому. В человеческом облике всё чувствовалось острее.

Логан стоял под горячими струями душа, упёршись ладонями в кафельную стену, и позволял воде стегать по спине, по плечам, по затылку. Кровь смывалась легко. Розовые разводы уходили в слив, унося с собой запах леса, смерти, охоты.

Но не уносили её запах.

Тот вьёлся в ноздри, в кожу, в самую кровь. Логан чувствовал его даже здесь, под паром и мылом — сладкий, тёплый, сводящий с ума. Он закрыл глаза, и перед внутренним взором встала она: раскинутая на траве, с разметавшимися волосами, с запрокинутым лицом, на котором застыло выражение чистого, животного экстаза.

Член дёрнулся, наливаясь кровью.

— Твою мать, — выдохнул Логан, опуская голову под воду.

Он вышел из душа, намотал полотенце на бёдра и прошёл в спальню. Огромная комната в башне встречала его запахом старого дерева и дорогого виски. Камин уже растопили. Видимо, Маркус постарался, зная, что брат после охоты мёрзнет даже летом.

Логан рухнул в кожаное кресло у огня, налил себе виски. Жидкость обожгла горло, но мысли не прогнала. Они всё равно возвращались к ней.

В дверь постучали.

— Открыто.

Маркус ввалился в комнату с двумя бутылками пива и пакетом чипсов: его стандартный набор для «мужских разговоров». Бросил всё на столик, плюхнулся в соседнее кресло, вытянул длинные ноги к камину.

— Ну ты и рожу скорчил, — сказал он вместо приветствия. — Прямо как у папы, когда мама в командировку уезжает.

Логан промолчал. Маркус открыл пиво, сделал большой глоток, захрустел чипсами.

— Колись давай. Что с тобой? Ты сегодня на охоте вёл себя как щенок в первую течку. Носился, слюни распустил, оленю горло перегрыз с такой страстью, будто он тебе лично должен.

— Отвали.

— Не отвалою. — Маркус повернулся к нему, упёрся локтем в подлокотник. — Я твой брат, Логан. Я чувствую, когда ты не в себе. И чувствую, что дело не просто в охоте.

Логан смотрел в огонь. Языки пламени лизали поленья, выплёвывали искры. Он думал о том, как язык той ночью лизал её между ног, по животу, по губам.

— Я нашёл её в лесу, — сказал он наконец. Голос прозвучал глухо, как из бочки.

— Девушку? Ту, без сознания? — Маркус подался вперёд. — Папа сказал, ты её домой отнёс. И что?

— Я не просто отнёс.

Пауза. Маркус ждал, не дыша.

— Я потерял контроль, Марк. Полностью. Впервые в жизни. — Логан провёл рукой по лицу. — Когда я учуял её запах, мир просто... перестал существовать. Осталась только она.

— И что ты сделал?

Логан повернулся к брату. В глазах — тени той ночи.

— Всё.

Маркус присвистнул.

— В смысле — всё?

— В прямом. Я трахнул её, Марк. Дважды.

— Она сопротивлялась?

— Нет. Тело её не сопротивлялось. Но разум... она была в шоке. А я продолжал, потому что зверь внутри требовал.

Маркус молчал, не зная, что сказать.

— А потом, — Логан провёл рукой по лицу, — потом она начала отвечать. Сначала робко, потом всё сильнее. Кончала, сжималась, звала... и мне показалось, что она хочет меня. Но я не уверен. Может, это просто инстинкт. Может, я взял то, что не принадлежало мне.

— Ты её... изнасиловал? — тихо спросил Маркус.

— Не знаю. — Логан посмотрел в глаза брата. — Знаю только, что теперь ненавижу себя за это.

Маркус открыл рот, закрыл, открыл снова.

— Твою мать, — выдохнул Маркус. — Логан, ты... слушай, это жесть. Даже по нашим меркам.

— Я знаю.

— И она жива? Не сошла с ума?

— Думает, что это был сон. — Логан усмехнулся одними губами. — Сидит сейчас в доме бабки, пьёт чай, считает синяки и пытается убедить себя, что оборотней не существует.

Маркус откинулся в кресле, уставился в потолок.

— Ну и дела. И что теперь?

— Ждать. Отец сказал ждать. Пока Элис сходит, познакомится, подготовит почву. Пока охотники уйдут. Пока я не перестану сходиться с ума от одного её запаха.

— А ты перестанешь?

— Нет.

— Ясно. — Маркус допил пиво, открыл второе. — Слушай, брат, я, конечно, охренел от твоего рассказа. Но... она пахнет как истинная?

Логан кивнул.

— Я никогда не чувствовал ничего подобного. Это как... как будто внутри зажигается всё. Как будто я готов убивать за неё. Как будто я готов умереть за неё. И трахать её, пока она не потеряет сознание, снова и снова.

— Прямо как папа рассказывал про маму, — тихо сказал Маркус. В голосе мелькнула зависть. — Он говорил, когда встретил её, думал, что сгорит живо, если не прикоснётся.

— Вот. — Логан допил виски. — Точно так.

Маркус помолчал, покрутил бутылку в руках.

— Повезло тебе, — сказал он наконец. — Я имею в виду, найти свою. Даже если сейчас всё через жопу. Это же... это навсегда. А я всё ищу, ищу, а они все не пахнут. Совсем. Как будто я нюхаю картон.

Логан посмотрел на брата. В глазах Маркуса стояла тоска. Младший, двадцать пять, уже перетрахал полштата, но ни одна не отзывалась тем, что должно отзываться.

— Найдёшь, — сказал Логан. — Отец нашёл. Я нашёл. Ты найдёшь.

— Ага. — Маркус вздохнул. — Только пока я ищу, ты тут будешь с ума сходиться по своей Эйве. Слушай, а какая она?

Логан закрыл глаза. Сразу всплыл чёткий до мурашек образ.

— Маленькая. Хрупкая. Тёмные волосы, длинные, до плеч. Глаза... я не разглядел цвет, но они тёмные. Кожа бледная, почти прозрачная в лунном свете. А губы... — он сглотнул. — Губы такие, что хочется целовать вечно.

— Красивая?

— Очень. Но дело не в красоте. В ней есть что-то... родное. Как будто я знал её всегда. Как будто она часть меня, которую я потерял и наконец нашёл.

Маркус смотрел на брата с каким-то новым выражением. Смесь восхищения, зависти и лёгкой грусти.

— С ума сойти, — сказал он тихо. — Я думал, это только в сказках бывает. Чтоб вот так — раз и навсегда.

— Бывает, — Логан открыл глаза, посмотрел на огонь. — И это страшнее, чем я думал.

— Почему страшно?

— Потому что теперь у меня есть что терять. — Логан повернулся к брату. — Раньше я ничего не боялся. Охотники, конкуренты, смерть — плевать. А теперь... если с ней что-то случится, я не знаю, что сделаю.

Маркус положил руку ему на плечо.

— Ничего не случится. Мы её защитим. Стая защитит. Ты сам защитишь. А пока — терпи. И не лезь к ней, пока не позовут. Ты же знаешь, если испугаешь сейчас — всё, убежит, и не найдёшь.

— Знаю. — Логан провёл рукой по лицу. — Потому и сижу здесь.

— Молодец. — Маркус встал, хлопнул брата по плечу. — Ладно, пойду я. Завтра совет, не просп.

— Не просплю.

Маркус дошёл до двери, обернулся.

— Логан?

— М?

— Я рад за тебя. Правда. Даже если сейчас хреново, это пройдёт. А она останется. Навсегда.

Он вышел. Логан остался один. Смотрел в огонь, допивал пиво, слушал тишину. И где-то там, за лесом, за рекой, за милями деревьев, спала Эйва. Тонкая ниточка тянулась от его груди к её, пульсировала в такт сердцу. Он лёг в постель, закрыл глаза.

Логан провалился в сон быстро, как камень в воду.

Сначала была только темнота. Густая, плотная, уютная. Темнота, в которую зверь внутри прячется, когда устаёт от реальности. Логан плыл в ней, не чувствуя тела, не различая границ, и это было хорошо. Это было отдыхом.

А потом темнота дрогнула.

Он почувствовал её раньше, чем увидел. Тонкая ниточка в груди, тянувшаяся куда-то в ночь, вдруг натянулась, зазвенела, запела. И в ту же секунду темнота начала светиться — изнутри, тёплым, золотистым светом.

Она.

Логан распахнул глаза и увидел её.

Эйва стояла в центре светящейся пустоты, растерянная, испуганная, прекрасная. Та же, что в лесу: тёмные волосы разметались по плечам, бледная кожа светится в золотом сиянии, губы приоткрыты в беззвучном крике. Она не понимала, где она, как сюда попала, что происходит.

А он понимал.

Связь истинных. Отец рассказывал об этом: как в первые недели после встречи они с матерью видели друг друга во сне. Как чувствовали боль, радость, возбуждение друг друга. Как их сны становились общими, реальнее любой яви.

Значит, это правда. Она действительно его истинная.

Логан шагнул вперёд, принимая облик. Он мог явиться ей человеком — чистым, безопасным, не пугающим, но зверь внутри требовал иного. Зверь хотел, чтобы она увидела его настоящего. И принял.

Он позволил форме течь.

Сначала зверь — огромный волк с серебристой шерстью, с горящими жёлтыми глазами, с мышцами, перекатывающимися под кожей. Он подошёл к ней медленно, давая время привыкнуть, и лёг у её ног, подставив голову под руку.

Она не отшатнулась.

Логан чувствовал её страх — тонкий, острый, как лезвие ножа. Но сквозь страх пробивалось другое: любопытство, узнавание и что-то глубже, древнее, что уже тянулось к нему навстречу.

Её пальцы коснулись его шерсти. Логан зажмурился от удовольствия. Её прикосновение во сне было таким же реальным, как наяву, даже острее, потому что здесь не было барьеров кожи и одежды. Он чувствовал каждую подушечку её пальцев, каждое движение, каждую дрожь.

Она гладила его, и он урчал — довольно, согласно, отдаваясь этому ощущению целиком.

А потом он начал меняться.

Медленно, чтобы она видела. Шерсть втягивалась, мышцы перестраивались, морда становилась человеческой. Но он оставил достаточно звериного: жёлтые глаза, когти на руках, лёгкую рябь шерсти на груди и плечах, чтобы она знала. Чтобы помнила.

— Моя, — сказал он вслух. Губами. Человеческими губами.

И шагнул к ней.

Она не отступила. Смотрела на него широко раскрытыми глазами, и в них плескался тот же голод, что жёг его изнутри. Её тело уже знало. Уже хотело. Уже текло.

Логан накрыл её собой.

Ощущение было невероятным. Во сне тела становились податливее, чувствительнее, откровеннее. Он чувствовал каждый дюйм её кожи, прижатой к его груди. Чувствовал, как твердеют соски, как учащается пульс, как между ног уже влажно и горячо.

Она хотела его. Так же сильно, как он её.

Логан вошёл резко, сразу до упора — не потому что хотел сделать больно, а потому что не мог ждать. Контроль, который он с таким трудом держал наяву, во сне ослаб. Здесь они были только он и она, без правил, без страха, без стыда.

Она вскрикнула — и застонала.

Он чувствовал, как её внутренние мышцы сжимаются вокруг него, как она принимает его, как тает, растекается, отдаётся. Это было лучше, чем в ту ночь. Глубже. Честнее. Здесь она знала, кто он, и не боялась.

Логан двигался быстро, жёстко, по-звериному. Каждый толчок доставал до самого основания, до крика, до грани, за которой начинается безумие. Он кусал её за плечо — не больно, а так, чтобы пометить, оставить свой запах, свой след в самом её нутре.

Она кончила почти сразу. Первый оргазм ударил внезапно, заставляя сжиматься вокруг него с такой силой, что Логан зарывался от удовольствия.

— Ещё, — приказал он, не спрашивая. — Я хочу ещё.

И она подчинилась.

Он брал её снова и снова. Менял позы, скорости, углы, исследуя её тело, находя точки, от которых она кричала громче, сжималась сильнее, текла обильнее. Она была ненасытной. Во сне, как и наяву, её тело отвечало на каждое его движение, требовало ещё, просило глубже.

Когда он перевернул её на живот и вошёл сзади в тугие складки, куда уже входил той ночью. Она вскрикнула от неожиданности, но не попросила остановиться. Логан замер на мгновение, давая привыкнуть, глядя её спине.

Медленные, глубокие толчки, которые постепенно ускорялись, пока её тело не расслабилось, принимая его целиком, и боль не сменилась тем самым тягучим, сладким удовольствием, от которого у неё подгибались локти.

Она кончила снова — долго, судорожно, сжимаясь вокруг него ритмичными волнами. Логан зарычал довольно, принимая её оргазм как должное, как награду, как подтверждение того, что она действительно его.

А потом позволил себе кончить сам.

Он заливал её изнутри горячо, обильно, глубоко. Во сне это было так же реально, как наяву. Даже реальнее.

Она обмякла под ним, проваливаясь в темноту. Логан перевернул её на спину, убрал волосы с лица, всмотрелся в любимые черты.

— Я найду тебя, — прошептал он. — Скоро.

И почувствовал, как она уходит — из сна, из его рук, обратно в реальность, где он пока не мог за ней последовать.

Логан открыл глаза. В спальне было темно, только угли в камине тлели красным. Тело горело, член стоял колом, между пальцев всё ещё жило ощущение её кожи.

Он сел, провёл рукой по лицу. Дрожь.

Это был не просто сон. Это была связь. Настоящая, работающая, невероятная. Она была там, с ним, чувствовала то же, что и он. И она приняла его — зверя, монстра, того, кто трахал её в лесу. Логан улыбнулся в темноту впервые за долгое время.

Глава 6. Та, что просыпается

Эйва открыла глаза и поняла две вещи одновременно.

Первое: она абсолютно, полностью, всецело мокрая.

Второе: она абсолютно, полностью, всецело одна.

Это было даже как-то обидно.

Она села в постели, стянула с себя трусы — хоть выжимай, — и уставилась на них с выражением глубочайшего недоумения. Ткань была насквозь пропитана чем-то липким и пахучим, причём пахло это не только ею. Там примешивался другой запах — дикий, мускусный, до одури знакомый.

— Ну ёлки-палки, — выдохнула Эйва в потолок. — Опять двадцать пять.

Она отшвырнула трусы в угол (потом стирает, потом), откинулась на подушку и уставилась в побеленный потолок бабушкиного дома. Сердце колотилось где-то в горле, между ног всё ещё пульсировало, а в голове крутились обрывки сна.

Жёлтые глаза. Шерсть. Горячие руки с когтями, которые нежно и по-хозяйски гладили её. Он входил в неё снова и снова, доставая до самых глубин, о существовании которых она даже не подозревала.

И голос. Низкий, вибрирующий, который шептал: «Моя. Ты моя».

Эйва зажмурилась и застонала — от смущения, от удовольствия, от полного непонимания происходящего.

— Это просто сон, — сказала она вслух. Голос прозвучал хрипло, с утра всегда так. — Просто сон. Гормоны. Овуляция. Воздержание. Комбо.

Она села, обхватила колени руками и попыталась мыслить логически.

Когда у неё в последний раз был секс? Месяца два назад с Кевином. И это было... ну, никак. Кевином вообще считал, что главное в сексе — это чтобы ему было удобно, а всё остальное — «ты просто закомплексованная, расслабься». Он никогда не спрашивал, что ей нравится. Никогда не ждал, когда она кончит. Просто делал своё дело и отворачивался к стене.

А она лежала и думала: «И это всё? Это вот то, из-за чего все с ума сходят?»

А теперь — эти сны. Эти дикие, нереальные, абсолютно порнографические сны, в которых её трахает... кто? Волк?оборотень? Полужверь с жёлтыми глазами?

И она кончает. Кончает так, как не кончала никогда в жизни. Даже просыпается мокрая, с пульсирующим клитором и ощущением, что внутри всё ещё тесно.

Эйва сползла с кровати, доковыляла до ванной, встала под душ. Горячая вода обожгла кожу, но мысли не смыла.

— Ладно, — рассуждала она, намыливая голову. — Допустим, у меня просто разыгралось воображение. Я приехала в лес, одна, в овуляцию, после двух месяцев сухого пайка. Мозг скушает, гормоны бушуют, и вот он, результат — эротические сны с участием мифических существ. Нормально. Бывает. Люди и не такое видят.

Она выключила воду, замоталась в полотенце. Выйдя из ванной, она наткнулась взглядом на подоконник. Камешек лежал на месте. Тот самый, с засохшей кровью. Она подошла, взяла его в руку, повертела.

— Если бы оборотни существовали, — сказала она камешку, — они бы не оставляли улики. Они бы всё съедали. Или заматали следы. А тут — камень. Глупость какая.

Камешек молчал. Эйва положила его обратно.

Она оделась, спустилась на кухню, сварила кофе. Села за стол, уставилась в окно. Лес стоял спокойный, зелёный, мирный. Никаких жёлтых глаз, никаких оборотней.

— Всё дело в Кевине, — решила она, отхлёбывая кофе. — Он меня так закомплековал, что теперь мой мозг компенсирует это монстрами. Потому что монстры, в отличие от Кевина, хотя бы знают, что делать с женщиной.

Она усмехнулась собственной шутке. Но внутри, где-то глубоко, шевельнулось сомнение. Слишком реально. Слишком. Она помнила запах, тепло, вес тела. Помнила, как оргазм накрывал волнами, как она кричала, как он рычал ей в ухо. Это не похоже на обычный сон.

Эйва допила кофе, поставила кружку в раковину и твёрдо сказала:

— Я нормальная. У меня просто гормоны. И богатое воображение. И давно не было мужа. Всё сходится.

Она пошла в комнату, заправила постель и вдруг замерла. Подушка пахла тем самым диким, мускусным запахом, который преследовал её со вчерашнего дня. Она прижала подушку к лицу, вдохнула глубоко. Это был не её запах.

— Так, — сказала Эйва, отбрасывая подушку. — Либо у меня в доме живёт невидимый оборотень, либо я схожу с ума. Второе вероятнее.

Она решительно вышла из спальни, закрыла дверь и отправилась пить чай. И больше не думать об этом. Вообще. Но где-то в груди, под рёбрами, странно тянуло. Как будто тонкая ниточка тянулась от неё куда-то в лес, к тому, кто ждал.

И голос — тот самый, низкий, вибрирующий — прошептал в голове:

«Моя».

Эйва вздрогнула, оглянулась. Никого.

— Надо проверить, — сказала она вслух. — Просто пойти и посмотреть. Убедиться, что там ничего нет. И тогда можно будет спать спокойно.

Она надела кроссовки, накинула ветровку — мало ли, в лесу всегда прохладнее — и вышла из дома.

Тропинку она помнила смутно. Та ночь стёрла многие детали, оставив только обрывки: мелькание деревьев, хруст веток под ногами, жёлтые глаза. Но ноги как будто сами находили дорогу, будто тело помнило путь лучше, чем разум — поворот налево, потом направо, мимо старого дуба с дуплом, через ручей по поваленному стволу.

Через полчаса она вышла на поляну. И замерла.

Это было то самое место. Она узнала его сразу — круглую прогалину, залитую солнцем, с высокой травой и одиноким валуном посередине. В тот вечер здесь было темно, только лунный свет заливал всё серебром. Сейчас солнце стояло высоко, и каждый листок, каждая травинка виднелись отчётливо.

Трава была примята. Сильно, как будто здесь боролись. Или занимались сексом. Огромный круг, в центре которого трава вмята почти до земли, а по краям — хаотичные следы, будто кто-то метался, переворачивался, выгибался.

Эйва медленно обошла поляну.

Вот здесь она лежала на спине — отпечаток тела отчётливо виднелся в примятой траве. Чуть дальше — следы коленей, глубокие, словно кто-то стоял на коленях долго. А вокруг...

Она опустила на корточки.

Следы. Огромные, нечеловеческие. Отпечатки лап, но не совсем лап. У них слишком длинные пальцы, слишком глубокие вмятины от когтей. И рядом — следы человеческих ног. Босых. Её собственных?

Эйва провела пальцем по земле. Когти. Настоящие когти прочертили здесь глубокие борозды, оставляя за собой тёмные полосы.

И запах. Он всё ещё витал здесь — дикий, мускусный, тёплый. Тот самый запах, что преследовал её во сне. Что пропитал подушку. Что, кажется, уже вьёлся в её ноздри навсегда.

Эйва выпрямилась, прижимая руку к груди. Сердце колотилось где-то в горле.

— Этого не может быть, — прошептала она. — Этого просто не может быть.

— Эйва!

Она подпрыгнула на месте и чуть не закричала. Голос раздался откуда-то сбоку, из-за деревьев.

— Эйва, ты там?

Джозеф.

Он вышел из леса бесшумно, как призрак — высокий, сухой, в клетчатой рубашке и неизменной бейсболке. В руках он держал ружьё, но держал не как оружие: просто нёс, стволом вниз.

— Мистер Стоунвотер, — выдохнула Эйва. — Вы меня напугали.

— Прости, дочка. — Джозеф подошёл ближе, остановился в паре метров, окинул поляну быстрым взглядом. — Увидел тебя с дороги. Решил проверить, всё ли в порядке.

— Я просто... гуляю. — Эйва обвела рукой поляну. — Решила посмотреть, куда забрела той ночью.

— Той ночью, — повторил Джозеф. Глаза у него были тёмные, глубокие, в них плескалось что-то древнее. — Ты не должна была сюда заходить, Эйва. Особенно одна.

— Почему?

— Лес он такой. — Джозеф повернулся, кивнул в сторону тропы. — Пойдём, провожу тебя до машины. Тут недалеко.

Они пошли обратно через лес. Джозеф шагал медленно, давая ей возможность идти рядом, и молчал. Эйва чувствовала, что он хочет что-то сказать, но ждёт подходящего момента.

— Ты следы видела? — спросил он наконец.

— Видела.

— И что думаешь?

Эйва замялась. Сказать правду? Что она думает про оборотней, про сны, про жёлтые глаза?

— Не знаю, — ответила она осторожно. — Похоже, здесь прошли волки. Большие.

— Волки, — согласился Джозеф. — Утром стая оленя задрала. Вон там, у ручья. Мы с Мэри слышали вой.

— Волки воют, — машинально сказала Эйва.

— Волки, — кивнул Джозеф, и в его голосе послышалась усмешка. — Конечно, волки.

Они вышли к дороге. Пикап Джозефа стоял на обочине, у самого въезда в лес. Эйва уже собралась попрощаться и идти к своей машине, когда взгляд упал на кузов.

Там лежала оленья голова. Эйва сглотнула, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

— Нашли утром, — сказал Джозеф буднично. — Стая хорошо поработала. Мясо съели, в лесу оставили только это.

— К-кто это сделал? — спросила Эйва, хотя уже знала ответ.

— Волки, — Джозеф посмотрел на неё долгим взглядом. — Большие волки, Эйва.

Он забрался в кабину, завёл двигатель.

— Садись, дочка. Довезу до дома. А то ты бледная как мел.

Эйва не стала спорить. Она забралась в кабину, на мягкое сиденье, пахнущее бензином и табаком. Джозеф тронулся с места, и они поехали по просёлку к бабушкиному дому. Некоторое время ехали молча. За окном проплывали сосны, берёзы, редкие кусты шиповника. Эйва смотрела вперёд, но видела только оленьи глаза, остекленевшие, мёртвые.

— Ты не из-за головы перепугалась? — спросил Джозеф негромко.

— Нет. То есть да. Не знаю. — Эйва выдохнула. — Просто... это всё как-то странно. Лес, следы, эти волки...

— Лес он такой, — повторил Джозеф свою любимую фразу. — Много чего в нём происходит. Ты вот что, Эйва. Ты надолго к нам?

— На пару недель. Ретрит у меня тут, йога, медитации... — она усмехнулась. — Ну и заодно бабушкин дом хочу продать. Оценить, найти покупателя.

Джозеф покосился на неё, но промолчал.

— Вы не знаете, может, кто-то из местных заинтересуется? — спросила Эйва. — Или у вас знакомые есть? Участок хороший, лес рядом, река недалеко. Для охоты, рыбалки — самое то.

— Знаю, — Джозеф кивнул. — Место добротное. Бабка твоя его берегла. Я поищу, кого-нибудь. Тут недавно приезжие интересовались, землю скупают. Курорт хотят строить.

— Курорт? — Эйва нахмурилась. — Это хорошо или плохо?

— Для кого как. — Джозеф помолчал. — Для леса — плохо. Для денег — хорошо. Тебе, может, и выгодно продать. Цены поднимут.

— Я подумаю. Спасибо.

...Они въехали на знакомую дорогу, впереди показался дом. Эйва уже потянулась к ручке двери, но Джозеф не затормозил, а проехал мимо калитки.

— Мистер Стоунвотер? — удивилась она. — Вы проехали.

— Не проехал, — Джозеф сбавил скорость, но не остановился. — Домой я тебя сейчас не повезу. Ты же хотела про продажу поговорить?

— Да, но...

— Вот и поговорим. — Он свернул на просёлок, уходящий в противоположную от леса сторону. — С теми, кто реально заинтересован. Деверо.

У Эйвы внутри всё ёкнуло.

— Деверо? — переспросила она, вспоминая вчерашний разговор. — Те, которые в большом доме на реке?

— Они самые. — Джозеф покосился на неё, усмехнулся в усы. — Думаешь, я просто так фамилию назвал? Чарльз Деверо уже лет десять скупает участки вокруг, только не афиширует. Соседям помогает, лес бережёт. Если хочешь продать и не жалеть потом — лучшего покупателя не найдёшь.

— Но вы говорили, там какие-то приезжие интересуются...

— Харрисоны, — Джозеф произнёс фамилию так, будто выплюнул косточку от вишни. — Они тоже интересуются. Только им лес — как мёртвому припарка. Курорт захотят, асфальт, шум. Деверо — другое. Они землю уважают.

Эйва замолчала, глядя в окно. Дорога вилась между сосен, потом вынырнула к реке. Вода блестела на солнце, на том берегу виднелась крыша — не просто дом, а целое поместье: тёмное дерево, большие окна, аккуратная пристань.

— Красиво, — выдохнула она.

— Чарльз постарался, — кивнул Джозеф. — Только ты, Эйва, вот что запомни. С Деверо надо по-честному. Не юли, не пытайся цену набить. Скажи как есть: продать хочешь, готова слушать предложение. Они люди слова.

— Вы с ними... давно знакомы?

— Давно. — Джозеф помолчал. — И поверь, лучше соседей не найти. Если что случится — они первые на помощь придут. Даже если ты не просила.

Пикап въехал на подъездную аллею, остановился у крыльца. Дом оказался ещё больше, чем казалось издали: два этажа, широкие веранды, резные наличники. Всё ухоженное, но без пафоса. Чувствовалась рука хозяина, который каждую доску знает лично.

— Чарльз, скорее всего, дома. — Джозеф выбрался из кабины, поправил бейсболку. — Ты посиди пока в машине, дочка. — Он кивнул на кабину. — Я сначала с Чарльзом переговорю, подготовлю почву. Негоже нам всем гурьбой на порог валить.

— Хорошо, — Эйва кивнула, хотя внутри кольнуло разочарование. Она ожидала, что всё решится прямо сейчас.

Эйва вышла следом, одёрнула ветровку, поправила волосы. Сердце колотилось где-то в горле — от неожиданности, от волнения, от странного предчувствия.

— Минут десять, не больше, — Джозеф уже шагнул к крыльцу. — Ты это... дверь закрой, не протудись.

Он поднялся на веранду, постучал. Дверь открылась почти сразу. На пороге показался высокий седой мужчина, тот самый Чарльз Деверо, которого она мельком видела вчера. Они с Джозефом обменялись парой слов, и Стоунвотер скрылся внутри, оставив дверь приоткрытой.

Эйва осталась одна. Она забралась обратно в кабину, захлопнула дверцу. В салоне пахло табаком и хвоей, снаружи доносился шум реки: где-то совсем рядом журчала вода. Дом Деверо стоял на пригорке, откуда открывался вид на излучину, и солнечные блики играли на тёмной глади.

Эйва откинулась на сиденье, прикрыла глаза. Тишина была почти полной, только птицы хлопали крыльями где-то в кронах, да лёгкий ветер шевелил ветки.

И вдруг она почувствовала.

Тёплая волна прошла откуда-то из груди, разлилась по животу, спустилась ниже. Не боль, нет — что-то другое. Тянувшее, узнающее. Как будто кто-то смотрел на неё. Не через окно, не с веранды, а прямо сквозь стены, сквозь расстояние, сквозь само пространство.

Эйва открыла глаза, огляделась. Никого. Только дом Деверо, тёмный и молчаливый, стоял в десятке метров.

— Это просто нервы, — прошептала она, но голос прозвучал неуверенно.

А потом в голове зажглось. Жёлтые глаза. Те самые, из сна. Они смотрели на неё в упор — не злые, не голодные, а... ждущие. Словно она была ответом на вопрос, который никто не решался задать.

Эйва судорожно выдохнула, вцепилась в край сиденья. Сердце забило сильнее, между ног отозвалось глухой пульсацией как тогда, в лесу, когда зверь навалился на неё, тяжёлый и горячий.

— Это не происходит, — сказала она вслух. — Меня нет. Это сон. Я сплю.

Но она не спала. Она сидела в пикапе Джозефа, сжимая пальцами обивку, и чувствовала, как кто-то или что-то касается её сознания. Нежно, почти благоговейно.

Она снова услышала голос. Низкий, вибрирующий, от которого всё внутри переворачивалось.

«Моя».

Всего одно слово. Оно прокатилось по позвоночнику, оставляя за собой искры, заставило пальцы ног поджаться, а дыхание перехватить.

— Нет, — прошептала Эйва, но голос ослаб, превратился в хрип. — Нет, пожалуйста...

Она не знала, кого просит: себя, лес, этот голос.

— Это просто стресс, — бормотала она. — Просто стресс, гормоны, переутомление, мне нужен психотерапевт, мне нужен...

И где-то глубоко внутри, под рёбрами, всё ещё горело. Жёлтые глаза. Голос. «Моя».

— Кто ты? — прошептала она одними губами.

Но ответа не было.

Глава 7. Собрание

Прежде чем войти в зал, Логан задержался у двери, прислушиваясь к гулу голосов внутри. Упоминались Харрисоны.

Эта фамилия уже неделю не давала покоя стае. Семейство из Олбани, строительный магнат, наживший состояние на гольф-клубах и элитных коттеджных посёлках. Теперь они положили глаз на земли Адирондака — тихие, лесные, почти нетронутые цивилизацией. Идеальное место для «экологичного курорта премиум-класса» с вертолётной площадкой, спа-центром и видом на реку.

Для местных жителей это звучало как манна небесная: Харрисоны скупали участки по ценам вдвое выше рыночных. Для стаи Деверо это звучало как приговор.

Курорт означал, что приедет много людей. Круглый год будут люди с камерами ночного наблюдения, егеря, охотники-любители, которые непременно захотят проверить местные легенды. Курорт означал, что лес перестанет быть их территорией. Что тайну придётся прятать глубже, бежать дальше, жить тише. А главное — курорт означал, что земля, которую они охраняли поколениями, достанется чужакам.

Логан толкнул дверь и вошёл. Большой зал в доме Деверо гудел голосами.

Здесь собрались все, кто имел право голоса в стае: старшие члены семьи, ближайшие союзники, несколько уважаемых одиночек, живших на территории. Человек двадцать, не меньше. Кто-то сидел в креслах у камина, кто-то стоял у окна, кто-то расположился на широких кожаных диванах. В воздухе пахло деревом, виски и едва уловимым звериным духом — после ночной охоты стая была спокойна, сыта, благодущна.

Он слышал разговоры, но не вникал. Мысли были далеко, там, за лесом, в старом доме на опушке.

— ...Харрисоны подняли цену ещё на десять процентов, — говорил Чарльз, стоя у камина. — Местные клюют.

— А если просто припугнуть? — подал голос кто-то из молодых. — Налететь ночью, показать зубы...

— Идиот, — оборвала Элис. — Ты хочешь, чтобы сюда охотники слетелись со всего штата? Мы не в Средневековье живём.

— Элис права, — Чарльз поднял руку, призывая к тишине. — Никаких силовых методов. Только переговоры, только деньги. Мы предложим местным столько же, сколько Харрисоны, плюс гарантии, что лес останется лесом. Никаких курортов, никаких построек.

— А если не согласятся? — спросил Маркус.

— Значит, будем искать другие способы. — Чарльз обвёл взглядом зал. — У нас есть время. Харрисоны только начали скупать участки. Мы перехватим инициативу.

Логан слушал вполуха. Где-то там, за много миль отсюда, Эйва... что она делает? Спит? Ест? Думает о нём?

Он почувствовал это внезапно: резкий укол в груди, холодный и острый, как лезвие ножа. Страх. Её страх.

Логан выпрямился, вцепившись пальцами в подлокотники кресла. Сердце заколотилось быстрее. В ушах зашумело. Он чувствовал её так отчётливо, будто стоял рядом: испуг, растерянность, дрожь. Что-то случилось. Кто-то напугал её.

— Логан? — Маркус наклонился к нему, положил руку на плечо. — Ты чего?

— Она... — выдохнул Логан. Голос сел. — Она боится.

Маркус понял сразу. Сжал плечо сильнее, взгляделся в лицо брата.

— Дыши. Просто дыши. Ты не можешь ей помочь, если сорвёшься.

Логан кивнул, пытаясь взять себя в руки. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Он тянулся к ней по той тонкой ниточке, что связывала их, посылал тепло, спокойствие, защиту. «Я здесь. Я с тобой. Всё будет хорошо».

Ниточка дрогнула, откликнулась. Страх начал отступать — медленно, неохотно, но отступать.

— Уходит, — прошептал Логан. — Ей легче.

Маркус выдохнул, убрал руку.

— Твою мать, брат. Это было жутко. Ты побелел как мел.

— Я в порядке. — Логан провёл ладонью по лицу. — Продолжаем.

В зале всё ещё обсуждали Харрисонов. Кто-то предлагал подкупить чиновников, кто-то — выкупить участки через подставные компании. Чарльз слушал, кивал, изредка вставлял замечания. Обычное собрание. Обычные разговоры.

Но Логан уже не мог сосредоточиться. В груди нарастало странное чувство — смесь тревоги, предвкушения и какого-то животного возбуждения. Оно поднималось откуда-то изнутри, заставляя сердце биться чаще, а мышцы — напрягаться. Зверь внутри заворочался, заскулил, требуя выхода.

Что это? Почему?

Логан попытался отогнать ощущение, но оно только усиливалось. В ушах появился лёгкий шум, сначала тихий, потом громче. Голоса собравшихся стали отдаляться, будто он слушал их через толстый слой ваты.

— ...и ещё вопрос по охотникам, — донеслось откуда-то издалека. — Элис, что с ними?

— Ушли к болотам, — ответила та. — Джозеф отвёл их по ложному следу. Дня три там проблуждают, потом вернутся ни с чем.

— Хорошо. Значит, пока мы в безопасности.

Логан перестал слышать. Шум в ушах превратился в гул, перед глазами поплыли круги. В груди жгло так, будто туда вонзили раскалённый прут. Зверь рвался наружу, требуя действия, движения, бега. Он чувствовал Её. Совсем рядом. Не за много миль, а здесь, близко, почти в пределах досягаемости.

— Логан? — Маркус снова тронул его за плечо. — Эй, брат, ты меня слышишь?

Логан не ответил. Он смотрел на дверь, невидящим взглядом, и дрожал. Мелкая, противная дрожь пробегала по телу, заставляя мышцы подёргиваться.

В зале начали замечать. Разговоры стихли. Все смотрели на Логана.

— Что с ним? — спросил кто-то.

— Не знаю, — Маркус встал, загоразивая брата. — Дайте ему минуту.

Но минуты не понадобилось. Дверь открылась.

На пороге стоял Джозеф Стоунвотер — высокий, сухой, в клетчатой рубашке и с неизменной бейсболкой в руках. Он вошёл бесшумно, как всегда, и первое, что сделал — посмотрел прямо на Логана.

И Логана накрыло.

Запах ударил в ноздри с такой силой, что мир покачнулся. Её запах. Сладкий, тёплый, сводящий с ума — он вёлся в одежду Джозефа, в его кожу, в волосы. Он принёс его с собой из её дома, из её леса, из её жизни. Она была здесь. Была рядом. Джозеф видел её, говорил с ней, прикасался к ней.

Зверь внутри взвыл.

Логан вскочил с кресла, опрокинув его. Ноги подкосились, пришлось ухватиться за подоконник. В зале повисла мёртвая тишина.

— Логан! — Чарльз шагнул вперёд. — Сын, что с тобой?

— Она... — выдохнул Логан, не сводя глаз с Джозефа. — Ты был у неё. Ты пахнешь ею. Где она? Что с ней?

Джозеф открыл рот, чтобы ответить, но Логан уже не слышал.

Мир схлопнулся. Её запах ударил в ноздри с новой силой, и Логана повело. Ноги подкопились, он схватился за подоконник, но пальцы соскользнули. Он рухнул на колени, больно ударившись о дубовый паркет. В глазах потемнело, в ушах зашумело так, что голоса собравшихся превратились в далёкий гул.

Зверь рвался наружу. Когти уже начали выходить, ломая ногтевые пластины, челюсть занемела от желания перекинуться, лёгкие горели.

Логан чувствовал, как кости начинают менять форму, как когти прорезают кожу на пальцах, как челюсть сводит судорогой — первый признак скорой трансформации. Он зарычал, пытаясь сдержаться, но запах — этот проклятый, сладкий, сводящий с ума запах — лишал последних сил.

— Логан! — Маркус бросился к нему, схватил за плечи. — Брат, держись! Не смей! Здесь нельзя!

— Она... — выдохнул Логан, и в голосе прорезалось звериное рычание. — Я должен... к ней...

По телу прошла волна дрожи, пальцы скрючились, превращаясь в лапы, и тут же возвращались обратно. Он боролся с трансформацией из последних сил, понимая, что если перекинется сейчас, то побежит. Побежит к ней, через лес, через всё, сметая любые преграды.

— Чарльз! — крикнула Элис.

Отец уже был рядом. Он опустился на колени перед сыном, схватил его за затылок, заставляя смотреть в глаза.

— Тихо, тихо, — Чарльз уже был рядом, присел на корточки, положил тяжёлую ладонь на загривок сыну. Давление отца — альфы стаи — действовало отрезвляюще. — Дыши. Слышишь меня? Дыши.

Логан судорожно втянул воздух. Выдохнул. Ещё вдох. Рычание стихало, кости перестали ломить, когти медленно втянулись обратно. Дрожь не унималась, но трансформация отступила.

— Хорошо, — Чарльз не убирал руку. — Ещё раз. Дыши.

Маркус сжимал его плечо, вглядываясь в лицо. В зале стояла мёртвая тишина. Все смотрели на эту сцену, не смея пошевелиться.

Логан сделал ещё несколько глубоких вдохов. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, но сознание прояснилось. Он поднял голову, посмотрел на Джозефа. Он стоял неподвижно, с пониманием и грустью в глазах.

— Она здесь, — выдавил Логан хрипло, почти неслышно.

Чарльз нахмурился, повернулся к Джозефу.

— Джозеф, ты приехал не один?

Старик медленно кивнул.

— С внучкой Маргарет Хейз. Эйвой. Она в машине сидит, ждёт. Зашла поговорить насчёт участка — продавать собралась.

По залу прокатился тихий шелест. Кто-то ахнул, кто-то присвистнул. Чарльз выпрямился, посмотрел на сына долгим, тяжёлым взглядом.

— Истинная, — сказал он не спрашивая. — Она здесь. В двух шагах от тебя.

Логан сглотнул. Зверь внутри заскулил, забился, снова требуя выхода. Но он держал. Из последних сил, зубами, когтями — держал.

— Она не знает, — тихо сказал Джозеф. — Думает, что ей всё приснилось. Боится. Одна в доме. А ты тут...

— Я знаю, — оборвал Логан. Голос всё ещё дрожал. — Я чувствую.

Он попытался встать, и ноги подогнулись, пришлось опереться на Маркуса.

— Ты никуда не пойдёшь, — жёстко сказал Чарльз. — Не в таком состоянии. Если она увидит тебя сейчас — ты её напугаешь до смерти.

— Я должен... — начал Логан.

— Должен взять себя в руки. — Отец приблизился вплотную, заглянул в глаза. — Она никуда не денется. Она здесь. На нашей территории. Мы будем рядом. Но если ты сорвёшься сейчас — потеряешь её навсегда. Понял?

Логан смотрел в глаза отца — такие же серые, такие же жёсткие, такие же любящие. И медленно кивнул.

— Понял.

Чарльз выдохнул, отпустил его, повернулся к Джозефу.

— Пригласи её в дом. Выпьет чаю, поговорит с нами. Пусть видит, что мы обычные люди. А Логан... — он покосился на сына. — Логан посидит здесь, пока не придёт в себя. И не вздумай высовываться, пока я не скажу.

Логан сжал кулаки до хруста. Когти снова начали выходить, пришлось спрятать руки в карманы.

— Я справлюсь, — сказал он глухо.

Джозеф кивнул и вышел. Логан проводил его взглядом, полным тоски. Она была в двухстах метрах отсюда. Сидела в машине, ничего не подозревая. А он не мог даже выглянуть в окно, потому что зверь внутри рвал цепи. Все смотрели на Логана — наследника, железного парня, который никогда не терял контроль.

Потому что где-то там, за дверью, в старой машине Джозефа, сидела она. Его истинная. В двух шагах. И он ничего не мог сделать.

Логан дышал. Считал про себя, цеплялся за голос отца, за руки Маркуса, сжимавшие плечи. Постепенно дрожь утихала, когти втянулись обратно, зрение прояснилось.

— Я в норме, — выдавил он, пытаясь подняться.

Маркус помог ему встать, подвёл к креслу. Логан рухнул в него, тяжело дыша, и только сейчас заметил, что на него смотрит вся стая. Двадцать пар глаз — удивлённых, встревоженных, непонимающих.

— Что это было? — подал голос кто-то из молодых. — Логан, ты едва не перекинулся. После полнолуния. Как такое возможно?

— Он потерял контроль, — Элис прищурилась. — Логан Деверо, который никогда не теряет контроль. Из-за чего?

— Из-за запаха, — ответил Маркус, не дожидаясь брата. — Джозеф принёс запах девушки. Той самой.

В зале зашептались. Кто-то присвистнул, кто-то нахмурился.

— Объяснитесь, — потребовал пожилой оборотень из дальнего угла, один из старейшин. — Что происходит с наследником?

Чарльз поднялся, встал рядом с сыном, положил руку ему на плечо. Обвёл взглядом собравшихся.

— То, что вы видели, — начал он спокойно, но так, что каждый звук резал тишину, — результат встречи Логана с его истинной парой.

Зал взорвался.

— Истинная пара? — выкрикнул кто-то. — Тридцать лет не было истинных пар!

— Это невозможно, — зашумели другие. — Может, ошибка? Может, просто течка?

— Тишина! — рявкнул Чарльз, и в голосе прорезался альфа-рык, от которого у всех «поджались хвосты». — Я сказал — тишина!

Собрание замерло.

— Я знаю, что это шок. Я знаю, что мы не видели истинных пар со времён моей встречи с матерью Логана. Но факт остаётся фактом: прошлой ночью в лесу Логан встретил девушку. Её запах свёл его с ума настолько, что он потерял контроль. Впервые в жизни.

— И теперь, — подхватила Элис, — даже её запах, принесённый посторонним, вызывает у него частичную трансформацию. Это может быть только истинная пара. Ничто другое не действует так на альфу.

Старейшина из угла покачал головой.

— Допустим. Но что это меняет? Девушка человек? Она знает?

— Не знает, — ответил Логан, поднимаясь. Голос всё ещё хрипел, но он уже твёрдо стоял на ногах. — Думает, что ей всё приснилось. Но она здесь. В машине Джозефа. И я чувствую её каждой клеткой.

— И что ты предлагаешь? — спросил кто-то насмешливо. — Прямо сейчас выбежать и похитить её?

Логан дёрнулся, но Маркус удержал его.

— Он предлагает ждать, — вмешался Чарльз. — Как положено. Сначала мы разберёмся с охотниками и Харрисонами. Потом Логан подойдёт к ней по-человечески.

— А если она не захочет? — спросила молодая женщина из стаи. — Если испугается и убежит?

Логан посмотрел на неё в упор.

— Захочет, — сказал он тихо, но так, что мурашки побежали по коже у всех. — Она уже моя. Просто ещё не знает.

В зале повисла тишина. Чарльз вздохнул, но ничего не сказал.

— Ладно, — Элис хлопнула ладонью по подлокотнику. — С истинной парой разобрались. Теперь давайте вернёмся к Харрисонам, пока наши земли не распродали под гольф-поля.

Собрание зашевелилось, загудело, но Логан уже не слушал. Он смотрел в окно, туда, где на дороге виднелся пикап Джозефа. Она была там, в двухстах метрах. И скоро уедет.

Глава 8. Та, что входит в логово

— Пойдём, — Джозеф открыл дверцу. — Я провожу тебя до входа. Дальше сама.

Эйва сглотнула. Всё это начинало походить на какую-то авантюру. Но выбора не было — риелтор из города обещал приехать только через неделю, а Джозеф сказал, что Деверо могут решить вопрос быстро. И заплатить хорошо.

Они поднялись по широкой каменной лестнице к массивной дубовой двери. Джозеф постучал три раза, коротко, будто по особому коду. Дверь открылась почти сразу.

На пороге стояла женщина — высокая, подтянутая, с короткой стрижкой и внимательным взглядом. Эйва почувствовала в ней какую-то скрытую силу, хотя женщина улыбалась приветливо.

— Эйва? — спросила она. — Я Элис. Заходи, пожалуйста. Чарльз тебя ждёт.

— Спасибо, — Эйва шагнула через порог и оказалась в огромном холле с каменным полом и высокими окнами. Внутри пахло деревом, воском и чем-то ещё, неуловимым, почти звериным.

Джозеф остался снаружи — сказал, что подождёт в машине. Элис провела Эйву через холл, мимо лестницы на второй этаж, и открыла дверь в просторную гостиную.

— Располагайся. Чарльз скоро подойдёт. Кофе? Чай?

— Чай, если можно, — Эйва села на краешек дивана, чувствуя себя не в своей тарелке.

Элис кивнула и вышла. Эйва осталась одна, разглядывая комнату. Дорогая старинная мебель, камин, на стенах — картины с охотничьими сценами. На одной из них она заметила крупных серых волков с жёлтыми глазами.

Она поёжилась.

Дверь открылась, и вошёл мужчина. Высокий, широкоплечий, с сединой на висках и властным лицом. Чарльз Деверо — это было сразу понятно. За ним следовали двое молодых людей.

— Мисс Хейз, — Чарльз улыбнулся, протягивая руку. — Рад познакомиться. Джозеф много о вас рассказывал.

Эйва пожала руку — крепкое рукопожатие, тёплая ладонь.

— Взаимно, мистер Деверо. Спасибо, что согласились встретиться.

— О, это мне спасибо. — Чарльз жестом пригласил её сесть обратно, а сам опустился в кресло напротив. — Позвольте представить моих сыновей. Маркус, Логан.

Маркус — тот, что помоложе, с открытой улыбкой и светлыми глазами — шагнул вперёд, кивнул.

— Приятно познакомиться, Эйва.

— Мне тоже, — ответила она, и правда почувствовала симпатию к этому парню. Простой, дружелюбный, без пафоса.

Второй — Логан — не улыбнулся. Вообще. Он стоял чуть поодаль, сложив руки на груди, и смотрел на неё таким тяжёлым взглядом, что Эйве захотелось поёжиться. Высокий, тёмные волосы, жёсткая линия челюсти. Красивый, но холодный, как скала.

— Здравствуйте, — сказал он коротко, без намёка на улыбку, и даже не сделал шага навстречу.

Эйва кивнула в ответ и отвела взгляд. Ну и ладно. Не всем же быть приветливыми. Может, он просто нелюдимый. Или ей показалось, что в его глазах мелькнуло что-то странное, почти голодное.

— Присаживайтесь, мальчики, — Чарльз указал на диван. — Эйва приехала поговорить о продаже участка.

Маркус сел с готовностью, а Логан остался стоять у окна, спиной к свету, так что его лицо оказалось в тени. Эйва поймала себя на том, что то и дело косится на него, и рассердилась на себя. Не затем она сюда приехала, чтобы разглядывать хмурых богатых наследников.

Элис вернулась с чаем, поставила чашку перед Эйвой и села рядом с Чарльзом.

— Итак, — начал Чарльз, — расскажите про ваш участок. Джозеф упомянул, что это дом вашей бабушки, Маргарет Хейз.

— Да, — Эйва отхлебнула чай, собираясь с мыслями. — Участок почти два акра, прямо у леса. Дом старый, но крепкий, требует небольшого ремонта. Место тихое, красивое. Бабушка говорила, что там даже родник есть на территории.

— Знаю это место, — Чарльз кивнул. — Хороший участок. И почему решили продать?

— Я живу в Нью-Йорке, — Эйва пожала плечами. — Приезжаю редко. Дом стоит без дела. Лучше продать, а деньги вложить во что-то полезное.

— Разумно. — Чарльз задумался. — И какую цену вы хотите?

Эйва назвала сумму, которую прикинула, ориентируясь на интернет. Чарльз даже бровью не повёл.

— Нормально, — сказал он. — Я подумаю. Мне нужно посмотреть документы, оценить состояние дома. Но в принципе, мы можем договориться.

— Правда? — Эйва не ожидала, что всё пойдёт так легко. — Это было бы замечательно.

— Я завтра пришлю к вам оценщика, — Чарльз улыбнулся. — А пока... может, останетесь на ужин? Мы тут готовим, как в старые времена, по-деревенски.

Эйва замялась. С одной стороны, хотелось побыстрее уехать из этого странного дома, где от Логана веяло таким напряжением, что воздух, казалось, искрил. С другой — отказываться было неудобно.

— Я... не знаю. Джозеф ждёт в машине...

— Джозеф уехал, — подал голос Маркус. — Я видел в окно — его пикап свернул на главную дорогу.

Эйва растерялась. Вот старый хитрец! Подвёз и бросил.

— Похоже, выбора нет, — она улыбнулась, стараясь скрыть раздражение. — Спасибо за приглашение.

— Отлично, — Чарльз встал. — Элис, распорядись там насчёт ужина. А мы пока покажем Эйве дом? Или, может, хотите прогуляться по саду?

— Можно, — согласилась Эйва. Ей хотелось подышать воздухом, подальше от этого странного напряжения, которое исходило от Логана.

Она поднялась, и тут Логан, до этого стоявший как статуя, вдруг шагнул вперёд.

— Я провожу.

Голос низкий, глухой. В нём было что-то такое, от чего у Эйвы мурашки побежали по спине. Она обернулась, встретила с ним взглядом и чуть не отшатнулась.

Жёлтые глаза.

Всего на секунду, показалось? Но ей точно не показалось: в полумраке его глаза вспыхнули жёлтым, как у того зверя из сна. Эйва моргнула — и снова серые, обычные. Наверное, игра света.

— Хорошо, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Пойдёмте.

Они вышли в сад. Логан шёл рядом, молча, почти не дыша. Эйва кожей чувствовала его присутствие и не понимала, почему так возбуждена. Это был просто странный, нелюдимый богач. Ничего особенного. Но где-то глубоко внутри, в груди, запульсировало знакомое тепло. И голос, который она уже слышала во сне, прошептал:

«Наконец-то».

Они шли по саду молча.

Сад был красивый: старый, запущенный ровно настолько, чтобы выглядеть естественно, но ухоженный ровно настолько, чтобы не зарастать сорняками. Дорожки, выложенные диким камнем, петляли между цветущими кустами, где-то журчал невидимый фонтан, пахло розами и ещё чем-то сладким, почти приторным.

Эйва украдкой косилась на спутника.

Логан шагал рядом, засунув руки в карманы, и смотрел прямо перед собой. Лицо каменное, непроницаемое. Ни улыбки, ни намёка на желание поддержать разговор. Он просто шёл, будто выполнял неприятную обязанность. Ну уж нет. Если уж она застряла здесь до ужина, можно хотя бы удовлетворить любопытство.

— Красивый дом, — начала Эйва нейтрально.

— Спасибо.

— Давно он в вашей семье?

— Больше ста лет.

— Ого. — Эйва подождала продолжения. Не дождалась. — А сад? Сад тоже старый?

— Да.

Эйва прикусила губу, чтобы не фыркнуть. Ну и тип.

— А вы здесь постоянно живёте? Или приезжаете?

— Приезжаем.

— По делам? Или отдыхать?

— Отдыхать.

Эйва остановилась. Логан прошёл ещё пару шагов, потом замер, обернулся.

— Слушайте, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Если я вас напрягаю своим присутствием, можете просто сказать. Я посижу в доме, подожду ужина, и мы разойдёмся как в море корабли.

Логан смотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то — то ли удивление, то ли боль, — и тут же пропало.

— Вы не напрягаете, — ответил он. Коротко. Сухо.

— Тогда почему вы разговариваете со мной как с незванным гостем на похоронах?

Он молчал. Секунду, другую. Потом вдруг шумно выдохнул, будто сбрасывая напряжение.

— Извините. Я... не очень разговорчивый.

— Это я уже поняла. — Эйва пошла дальше, и он двинулся следом. — А остальные? Маркус вон нормальный, улыбается. Элис приветливая. А вы как будто не рады, что я здесь.

— Рад, — вырвалось у него, и Эйва удивлённо подняла брови.

— Правда? Не похоже.

Логан сжал челюсти. Он явно боролся с собой, с чем-то, чего она не понимала. Эйве стало даже немного неловко: может, у него правда проблемы с общением? Может, он аутист или что-то такое?

— Расскажите о себе, — вдруг сказал он.

— Что?

— Расскажите о себе. — Логан повернулся к ней, и в его взгляде появилось что-то почти... жадное. — Где вы живёте? Чем занимаетесь?

Эйва моргнула от неожиданности.

— Живу в Нью-Йорке. Работаю дизайнером в маркетинговом агентстве. Ничего интересного.

— Семья? Муж? Дети?

— Ничего подобного. — Эйва усмехнулась. — Недавно рассталась с парнем. Детей нет. Родители в другом штате. Так что я одна.

— Одна, — повторил Логан, и в этом слове прозвучало что-то странное. То ли удовлетворение, то ли... собственничество?

— А вы? — Эйва решила сменить тему. — Семья, дети?

— Нет.

— Не женаты?

— Нет.

— Девушка есть?

— Нет.

— А почему? — Эйва вдруг стало любопытно. — Такой мужчина — и один. Странно.

Логан остановился, посмотрел на неё в упор. В глазах снова мелькнул тот жёлтый отблеск.

— Ждал ту, которая... — Он запнулся. — Которая подойдёт.

— О, романтика, — улыбнулась Эйва. — Значит, вы верите в судьбу?

— Верю.

— И как, нашли?

— Нашёл. — Он смотрел на неё так, что у Эйвы мурашки побежали по спине. — Теперь жду, когда она поймёт, что я её.

Эйва сглотнула. Что-то в его голосе, в этом взгляде было слишком... интимным. Слишком личным для первого разговора.

— Ну, удачи, — сказала она, отводя глаза. — Надеюсь, она поймёт.

— Я тоже надеюсь.

Они пошли дальше. Эйва чувствовала его присутствие каждой клеткой, и это начинало раздражать. Почему он так действует на неё? Почему сердце колотится быстрее, когда он рядом? Почему внизу живота разливается знакомое тепло, то самое, что приходило во сне?

— А что у вас за собрание? — спросила она, чтобы отвлечься. — Столько народу в доме. Праздник какой-то?

— Друзья приехали. — Логан говорил с трудом, будто каждое слово давалось ему через силу. — Отдыхаем. Рыбачим.

— И много вас?

— Достаточно.

— Понятно. — Эйва вздохнула. Разговор снова заходил в тупик. — Слушайте, Логан, я понимаю, что вы меня не звали и вообще... Но если уж пошли провожать, могли бы хотя бы делать вид, что вам интересно. А то я чувствую себя экскурсоводом в одиночку.

Логан остановился, повернулся к ней. В его глазах мелькнуло что-то похожее на извинение.

— Простите. Я правда не умею... с людьми. Особенно с... — Он запнулся. — С новыми.

Они вышли к небольшому пруду с кувшинками. Эйва остановилась, глядя на воду. Логан встал рядом — слишком близко, на грани личного пространства, но она не решилась отодвинуться.

— Красиво здесь, — сказала она тихо. — Спокойно.

— Да.

— Вы, наверное, с детства это место знаете?

— С детства.

— И не надоело?

— Нет. — Он повернул голову, посмотрел на неё. — Здесь моё всё.

Эйва поймала его взгляд и вдруг поняла, что не может отвести глаза. Серые, почти прозрачные, с крапинками — и где-то в глубине тот самый жёлтый огонь, который она видела во сне.

— Что? — спросила она шёпотом.

— Ничего. — Логан отвернулся. — Пойдёмте, скоро ужин.

Они пошли обратно к дому. Эйва молчала, но внутри всё дрожало. Этот человек пугал её и притягивал. Как тот зверь в лесу. Как оборотень из её снов.

— Логан, — позвала она, когда они уже подходили к двери.

Он обернулся.

— Мы раньше не встречались? Мне кажется, я вас где-то видела.

Он замер. На секунду ей показалось, что он сейчас скажет что-то важное. Но он только покачал головой.

— Нет. Я бы запомнил.

И открыл перед ней дверь.

Ужин накрыли в большой столовой, где за длинным дубовым столом могло разместиться человек двадцать. Сейчас здесь было только пятеро: Чарльз во главе, Элис справа от него, Эйва слева, а напротив неё — Маркус и Логан. Это было неудобно: куда бы она ни смотрела, её взгляд то и дело утыкался в его каменное лицо. Он почти не моргал и, кажется, вообще забывал дышать.

— Попробуйте запечённую форель, — предложила Элис, подвигая к Эйве блюдо. — Наша гордость. С утра поймали.

— Спасибо, — Эйва положила себе кусочек, отправила в рот. Рыба таяла на языке. — Очень вкусно.

— Сами поймали? — уточнила она, вспомнив разговор про рыбалку.

— Ну, не я, — Элис усмехнулась. — Ребята вчера на реку ходили. Маркус, Логан, ещё пара наших.

— А вы чем занимаетесь, когда не рыбачите? — Эйва обратилась к Маркусу, потому что с ним было легче.

— Я в городском офисе работаю, — Маркус улыбнулся. — Скука смертная. А сюда приезжаю отдохнуть, подышать воздухом. Логан вообще здесь живёт почти постоянно, домосед наш.

— Правда? — Эйва посмотрела на Логана. — Не скучно?

— Нет, — ответил он коротко.

— Ему лес заменяет общество, — вставил Маркус с хитрой улыбкой. — Волки, зайцы... иногда даже с деревьями разговаривает.

— Маркус, — предупреждающе рыкнул Логан.

— Молчу-молчу.

Чарльз кашлянул, привлекая внимание.

— Эйва, — начал он мягко, — раз уж мы собрались за столом, позвольте задать деловой вопрос. У вас уже есть другие предложения от покупателей?

— Пока нет. — Эйва отложила вилку. — Я только приехала, даже риелтора ещё не вызывала. Джозеф предложил обратиться к вам.

— Правильно сделал. — Чарльз кивнул. — Видите ли, тут такая ситуация. Есть компания «Харрисон Групп», они скупают земли в этом районе под строительство курорта. Гольф-поля, коттеджи, вся эта мишура.

— Курорт? — Эйва удивилась. — Здесь, в лесу?

— Именно. — Чарльз поморщился. — Они предлагают местным большие деньги. Но мы, Деверо, не хотим, чтобы лес превратили в парк аттракционов. Наши предки жили здесь, мы выросли в этих местах. Для нас важно сохранить природу.

— Поэтому мы сами скупаем участки, — подхватила Элис. — По той же цене, что и Харрисоны, а может, и выше. Чтобы земля осталась в руках тех, кто её бережёт. И не будем строить никаких отелей, обещаю. Лес останется лесом.

Эйва задумалась. Это было даже лучше, чем она рассчитывала: продать землю не безликой корпорации, а соседям, которые заботятся об экологии. Хотя, судя по огромному дому, Деверо не такие уж простые соседи.

— А Харрисоны с вами уже связывались? — спросил Чарльз. — Может, звонили или письма слали?

— Нет, — Эйва покачала головой. — Я вообще о них первый раз слышу. Да и приехала всего пару дней назад. В тот же день, как приехала... ну, заблудилась немного в лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.